

Квадрат жизни. Грань первая. Путешествие.

Глубокое погружение

Дар Амурский

Дар Амурский Квадрат жизни. Грань первая. Путешествие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63803936

SelfPub; 2021

Аннотация

Иногда нет желания долго доказывать свою высокую сознательность, когда цели жизни высоки, а времени не хватает. Парк путешествий с главной вершиной дает такую возможность. Люди готовы временно забыть себя, свое прошлое и факт существования большого мира, дабы дойти, победить свое невежество и получить билет в новую жизнь. В глубоком погружении нет высокой нравственности, развившейся в недалеком будущем, поэтому отважившихся героев ждут не только тяготы пешего похода, но и человеческая глупость. Однако все преодолимо, особенно в тех редких случаях, когда система дает сбой.

Содержание

Прибытие	4
Бывший смотритель	10
Подготовка	13
Погружение	18
Сбой	23
Снаряжение	27
Первые шаги	33
Семейка	39
Ясли	46
Мнимое помешательство	55
Скалолазы	61
Лютня	66
Тренер	70
Выпускники-неудачники	73
Жертвы неуверенности	79
Курьер	87
Синяя ловушка	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Дар Амурский

Квадрат жизни. Грань первая. Путешествие

Прибытие

Утром погожего дня, в начале лета, монорельсовый поезд уносит меня прочь от опостылевшей квартиры. Проснулся еще до рассвета, как всегда, чтобы все успеть. Еще вечером рассчитал время, идеальное для поездки в соседний город. Бодрящая прохлада воздуха, оранжевая полоса горизонта, мягкий гул магнитной подушки и такое же мягкое кресло. Наверное, мир временно прощался со мной, по-доброму провожая в далекий путь. Мысли привычно обращаются внутрь. С усмешкой понимаю, что за все свои невеликие годы лучшего собеседника, кроме внутреннего голоса, пока не нашел. Ясно понимаю, такова была одна из причин, влекущих в странствия как по земле, так и в космосе, но об этом пока лучше не думать, дабы не сглазить.

– Вы прибыли на Четвертую орбиту, следующая станция Институт общественного управления, – звучит голос по громкой связи, возвращая меня к реальности.

Станция пригородного поселка, маленького туристиче-

ского рая, символических ворот во множество уголков мира, встречает меня незыблемой тишиной. С сожалением покидаю пустой вагон. В столь ранний час мало кто поездами пользуется, еще и пяти нет. Что-то неуловимое щемит душу. С запозданием понимаю, вновь случилось нормальное явление перед дорогой, давно пора привыкнуть. Осматриваюсь. Судя по влажным плитам перрона, ночью здесь прошел дождь. Омытые камни и огромные витражи станции отдают холодом, с листьев густо насаженных деревьев падают редкие капли от легких прикосновений ветра. Несмотря на приличный запас времени ноги сами несут меня в сторону здания компании «Восхождение». Широкие скаты его крыши проглядывают между стволами деревьев. На ходу думаю, что не заблужусь, да и бывал там уже.

– Тьфу ты, – невольно вырывается у меня, когда на тротуаре возникает с детства знакомый силуэт.

– Ух ты. Надо же, какие люди, – говорит мой старый приятель Арсений, пожимая руку, с таким безмятежным видом, словно вчера виделись, его стиль. – Опять спозаранку тебя куда-то несет. Понимаю, ты же у нас человек-действие.

– Не куда-то, а к вершине, – спокойно отвечаю давнему другу. – А ты, надо думать, еще не ложился, человек-антирежим. Неужто в путешествие ходил?

– Просто гуляю. Одного знакомого даду провожали, вместе с Леночкой и ее подружками. Классный мужик, скажу тебе, – Арсений взъерошил волнистые волосы и безцеремонно

потянулся зевая. – Мне в парке одного раза хватило, больше не хочу.

– Ты мне не рассказывал. Хотя нечему тут удивляться. Давно уже не виделись, – приятель утвердительно кивает, покачиваясь на пятках. – Не понравилось, или сорвал свой куш?

– Шутишь? Меня бы тут тогда не было, да и загадал так, от балды. Сразу путешествие не заладилось. Уже в первый час ноги до мозолей натер, почти все припасы на стоянке сожрали, альпинизму не пойми зачем пять дней учился, – он с сожалением машет рукой. – Эх, дурак был, но потом поход заладился. Со знакомыми ходил, даже связь с ними не потерял после погружения. Добрались до Нового озера, здоровенное, знаешь ли, да там и остались, классное место.

– В смысле? И все, про вершину забыли? Ну, вы даете. Правда, у меня первый поход не лучше был.

– Типа того, сам наверно знаешь, там быстро все забывается, хоть на лбу записывай, или на носу зарубай, да кто бы подсказал, а потом вспоминается, как сон, – мой старый и брошенный друг вновь потягивается, неприкрыто зевая, дает понять, что до сих пор свой в доску. – А где твоя лютня?

Вопрос приятеля меня смущает. Говорить о самом болезненном не хочется. Но, такой уж это особый человек, ему можно и нужно высказывать все, ибо сразу отпускает, поэтому говорю:

– Считай, судьбу решил поменять, завязал с музыкой и

группу покинул. Ты же знаешь мою мечту, ради нее и иду. Просто не хочу долгую пси-подготовку проходить, и экзамены там жуткие. А так предъявил победу в одном из проектов с погружением и все, железный аргумент. Там ведь требуются люди со сверхустойчивой психикой и осознанностью, стойкие к ментальному воздействию, да еще с чистыми помыслами, – Арсений внимательно слушает, продолжая терзать каблуки своих туфель. – А ты, стало быть, свою мечту лелеял про сотворение миров.

– Да ну, ты брось, – усмехается друг. – Это такая мечта, которая не должна сбыться, иначе смысл потеряет. И требования там запредельные, и работы море. А мне лень, сам понимаешь. Хотя в анкете именно это и указал в качестве цели. Глупо, да?

– Нормально, но не мне судить. Во всяком случае, некоторые доходят до конца. Мне былая жизнь совсем не мила – скукота: концерты, репетиции и ночевки дома, все, краткая биография, – невольно вспоминается вчерашний вечер, сборы, настроение омрачилось, и захотелось это компенсировать. – Целый год готовился, на тренингах разных дух закалял. Либо выиграю, либо откажусь от идеи, а что дальше – не знаю, выдумаю новый смысл, попроще.

Слова закончились. Но с Арсением нам всегда было о чем помолчать. Помнится про таких говорят: «на одной волне», что правда. Неловкую паузу нарушает девичий восторженный вопль:

– Сеня. Где ты там шарахаешься?. Помоги банку открыть, а то зубами грызть будем.

– Похоже тебя зовут, – мне приходится одернуть зависшего приятеля. – Никак походных рационов по случаю прикупил?

– Ага, люблю иногда что-нибудь эдакое. Погоди, ты что, опять один идешь, как рак отшельник? Не боишься? Это же такой риск.

– Странное сравнение. Раки медленно ползают, а мне охота быстро к цели добежать, нигде не задерживаясь. Думаю, ты понимаешь, что попутчики часто замедляют поход. А за себя не волнуюсь, ибо за последнее время отлично свое ложное эго стер. Теперь словно со стороны на себя гляжу, поэтому меня больше ничего не напрягает.

– Лихо. Ладно, без меня там сейчас черт знает что сделают. Бывай, – Арсений с видом серьезного академика трясет мою руку, – все, пока.

– Сеня, мы уже открыли, сейчас без тебя все съедим.

Старый, но незабываемый друг потрусил к своим спутницам. У меня вырывается произвольный смешок. Вспоминаются вечно меняющиеся знакомые этого рассеянного, благодушного и несказанно ленивого парня, настоящего тюфяка, как его называют за спиной. Умом понимаю, что Сеня – общительный человек, в отличие от меня, правда постоянных друзей мы с ним больше не нашли. Вздыхаю, гоня прочь ностальгию, и шагаю к парадному входу «Восхожде-

ния». Роскошное деревянное крыльцо предваряет самый настоящий замок, или огромный постоялый двор. Веет духом приключений, дальних странствий. Меня неудержимо манит внутрь открытая дверь.

БЫВШИЙ СМОТРИТЕЛЬ

В главном зале уже сидят посетители. Однако, не удивляюсь. Знаю, что такие заведения круглые сутки открыты, как минимум в качестве гостиницы для ожидания, всякое случается. Вглубь заходить не спешу, стою и вспоминаю, думаю. Когда-то это была обычная туристическая компания, а теперь многие занялись технологией глубокого погружения – и доход, и польза. Удачливым туристам открываются двери в мир новых возможностей, а прочее население развлекается прямыми трансляциями, за немалые деньги. Сам с собой соглашаюсь, что лучше заплатить за проверку себя в диких условиях, да еще с шорами на сознании, как говорят люди между собой. Стоять на пороге быстро надоедает. Подхожу к распорядителю, чтобы записаться и встать в очередь.

Издали замечаю место на скамейках из настоящего дерева, сделанных в том же стиле, как весь чертог, иначе и не скажешь. Остаюсь доволен предельной удаленностью от окружающих. Собираюсь предаться раздумьям, но какой-то человек, похожий на старинный шкаф, тяжелый, затертый, но солидный, нарушает мой священный покой. Пышные усы в форме щетки, идеально завершают его харизматичный облик. Невольно улыбаюсь этому истинному авторитету, способному завить о себе в любом обществе.

– Доброго дня, – прогудел он басом, и присаживается ря-

дом. – Приятно видеть, что молодежь к развитию тянется. Похоже, не просто погулять собрался? Можешь не отвечать, на лице написано.

– Угу, – мне не хочется сейчас болтать, ибо наговорился за прошлую жизнь дальше некуда. – Доброе утро, – поправляю амбала, надеясь отделаться.

– Молодец, уважаю. А мне уже не интересно. Все познал, хочу просто отдохнуть, от всего, и от себя такого умного тоже. Орбитальный смотритель та еще служба, – он умолкает, буравя меня взглядом усталых глаз. – Речь не об этой Орбите, не о поселке, а о той, – человек указывает вверх.

Его заявление резко меняет мое настроение и отношение к нежданному соседу. Как ни крути, собрат по желанному делу. Вежливость и уважение к бывшему служителю космоса, вынуждают ответить:

– Стало быть мы коллеги, почти, за тем и иду. А что, разве приятно временно забываться?

– Не то, чтобы приятно, скорее бодрит, и время растягивает, как обычная поездка, только намного сильнее. Словно дополнительную жизнь проживаешь, и новую дома начинаешь, – бывший смотритель приосанился, обретая вид экзаменатора. – На пилота поди собрался? А как с подготовкой? Много вас нынче, да скольких отчисляют в первый год. Понимаю, после удачного похода тебя сразу вперед пропускают.

– Да, так и есть. Причем на две ступени вверх продвигают. За прошлый год успел вводный курс удаленно пройти, и ра-

ботал, и тренировался, в общем, пришлось напрячься. Знаю, мне в очередной раз прикроют память и осознание. Останется полагаться на прошитое в подкорку мозга и доведено до автоматизма. У меня хорошая стратегия, и снаряжение продумал и поведение, надеюсь, не забуду.

– Все мы надеемся, а потом ударяемся там, кто во что горазд, – неожиданно расхохотался незнакомец. – Поэтому и хочу, честно расслабиться, знаю, что на вершину сразу наплюю. Но с меня пример не бери. С таким серьезным подходом и до вершины доберешься, и до звезд дотянешься.

Разговор утихает, сидеть без дела мне не интересно. Ноги просят движения, хотя бы зал обойти. Красочные плакаты, более уместные здесь, нежели электронные экраны сообщают о гарантии полной безопасности со стороны компании и технологии эвакуации участников. Пока брожу, выясняю, что парк путешествий технически обновили, изменили правила для участников и многое другое. Но прекращаю читиво, решив узнать все на месте, и не забивать сейчас голову. Остается скоротать какой-то час до начала. Мысленно радуюсь, что ранний подъем, как одно из моих полезных качеств, обеспечил третье место в очереди.

Подготовка

Спустя положенное время, проведённое в размышлениях и скитаниях по доступной части этого уютного и добротного здания, настало время для собеседования с освободившимся оператором. Молодая девушка нордической внешности и в фирменном облачении, язык не поворачивался назвать его костюмом, вежливо поприветствовала меня и начала задавать стандартные вопросы. Ее мастерски поставленная речь могла занять уйму драгоценного времени и выудить из моих карманов все ресурсы, в ходе убедительных предложений совершенно необходимых вещей и других приложений, но со мной номер не прошел. Половина анкеты и полезные советы разом сократились, после моих слов о повторном восхождении. Вскоре мы перешли к практичным темам.

– Какое снаряжение будете брать на этот раз, – спросила она. Напоминаю, мы предоставляем только традиционные предметы без современной механики и электроники, за редким исключением.

– Стандартный набор, но в упрощенном варианте. Если быть точным: палатка, спальный мешок, смена белья, паек на неделю, миска с ложкой, да, не надо удивляться, котелок не нужен, у меня нестандартный взгляд на жизнь. Продолжим: нож, зубная щетка и аптечка, и почти все, – девушка растеряно моргнула, выражая недоумение. – Эх, проще са-

мому вычеркнуть лишнее, да, меня можно считать аскетом. Пойду налегке и один, ибо не желаю задерживаться, да и не понравится моя манера путешествовать нормальным людям. В качестве одежды предпочту легкий тактический костюм прошлого поколения и широкополую шляпу.

– Опасное и любопытное решение. Наверно богатый опыт за плечами. По-моему, минимализм – отличная идея. Как говорится, все ради вершины, – она перелистнула заполненные страницы. – Таким образом, остается еще приличная сумма монет путешественника. Есть желание установить подсознательную закладку или что-то другое?

– Да. Поставлю закладку отстраненности. Каталог можно не показывать, давно определился. А самое главное, мне нужна карта, – девушка с недоумением смотрит на меня, поэтому спешно продолжаю. – Вот результаты теста личности. У меня четвертая категория сознания, поэтому имею право получить сию бесценную бумажку, – договорив, вежливо отодвигаю несколько цветных буклетов и откидываюсь на спинку стула.

– Принято, мое дело только предлагать, но четвертая категория, это да... Однако люди редко берут отстраненность. Надеюсь, это осознанный выбор. При таком раскладе от путешествия большое удовольствие получить трудно и общий уровень комфорта окажется низким.

– Это меня волнует меньше всего. Кстати, судя по отзывам, наслаждения останавливают путешествие через один-

два дня, что мне без надобности. Три недели потерплю, а может и меньше, на этот раз ума набрался. Мне задерживаться незачем, – ответил оператору, вновь вспоминая глупости из предыдущего похода, когда утратил полный комплект новичка и пытался вернуть назад, не говоря уже никудышной подготовке. – Кстати, совсем забыл. Хочу взять одну личную вещь, вот этот брелок, – достаю свою талисман, в виде человечка, держащегося за звезду, который напоминает мне о космической мечте. – Знаю, это платно, но у меня еще хватает монет.

Пока оператор завершала бумажные работы, отрешаюсь и задумываюсь. На память приходят сцены физических тренировок, и психологических практик, прошедшего года. Они вкупе с опытом других людей, достигших вершины, давали приличные гарантии успеха. Отлично знаю, что полное погружение все-таки сильно изменяет восприятие. Из внутреннего диалога меня выводит голос уже знакомого потертого здоровяка, сидящего у соседнего столика.

– А ты брат отчаянный. В космосе такие простых путей не ищут, и правильно. Только в глубоком погружении все иначе, изменишься, зуб даю. Думаешь на одной прыти молодецкой вершину взять? Или считаешь, что с чужих слов всему научиться можно?

Этот человек вновь вызывает у меня странную симпатию. Наверно действует авторитет возраста и профессии. Мне искренне захотелось ответить, дабы еще раз увериться в своей

правоте:

– Конечно не надеюсь. Понимаю, что панацеи, не существует. Все мы разные. Читал, что каждый из дошедших имел уникальный набор качеств и снаряжения. Особенно понравилась идея быстрого путешествия, без привязанности к чему угодно, к людям, вещам, и даже к потребностям. Тогда пси-закладка желания дойти, достичь цели, разворачивается во всю силу.

– Ишь ты, а мне недосуг читать, да и своя голова на плечах. Что, много интересного народ пишет?

– Всякое встречается, выбирал положительный опыт. Еще, зацепила идея обходных путей. При желании можно дойти до вершины без профессионально снаряжения и навыков по не самым популярным тропам. Подробности там опустили, ибо все равно участники их забудут. Надеюсь, моя тактика сама собой уведет со сложных или слишком людных дорог.

– Надейся, надейся, – задумчиво бормочет амбал. – Глубокое погружение все наши темные стороны наружу вывернет, хотя тебе это можно не рассказывать, – он задумался, подперев голову, и заговорил мрачным тоном. – Один темный кусочек уже у тебя выделился. Плохо о людях думаешь, коли один вершину решил взять.

– У меня мало положительного опыта в любых отношениях с обществом. Теперь только себе доверяю. За последние годы так измотался, что хочу одиночества. Кроме того,

без попутчиков проще, и волнений меньше, – в ответ на мои слова амбал пожал плечами, не найдя что сказать.

Спустя некоторое время сотрудица «Восхождения» наконец заполнила бланки моими данными. Мы перешли к завершающей стадии регистрации. Девушка предложила коротко объяснить новшества парка, дабы не утруждать меня долгим чтением, да еще на долг службы сослалась.

– Условием победы по-прежнему остается восхождение на вершину. Допустимы любые методы и приемы, однако причинение физического и ментального вреда другим участникам записывается в общем отчете и обесценивает путешествие. Контролирующая система вдохновляет и иногда чинит препятствия путешественникам, для сохранения равновесия и повышения общего интереса. В случае истечения отпущенного времени сознание участника погружается в сон, а сам человек безопасно переносится в центр реабилитации, – она протянула мне последний, красочный бланк. – Подпись этого документа означает согласие со всеми правилами, мы же несем полную ответственность за сохранность каждого искателя своей мечты. Далее можно пройти в кассу и желаю удачи.

Погружение

Выражаю благодарность оператору и распрощавшись, выхожу в общий зал. Настало время оплачивать свою затею и вперед, на погружение. Благо, что есть возможность часть суммы заменить монетами, сэкономленными в предыдущем походе. Мысленно смеюсь над этим двояким бонусом, дающим преимущество некоторым скупердям. Он тонко намекает на множество предстоящих попыток восхождения. Невольно вспоминаю как заработал в прошлый поход полсотни монет, довольно дурацким образом, но не успел потратить. Соглашаюсь сам с собой, что внутри парка это не великое состояние, однако в переводе на обычные средства, получается доход за несколько месяцев. Поэтому за материальное благополучие теперь не волнуюсь, обычно-то люди все подчистую спускают, и начинают путь с почти пустыми карманами, а у меня запас есть.

Перед кассой мое внимание привлекает человек среднего возраста, одетый в необычную одежду светлых тонов. Вежливо поприветствовав, он пристально вглядывается мне в глаза, подобно гипнотизеру или заправскому продавцу-консультанту. Но начинает говорить как по-писанному:

– Приятно встретить такого славного и самоотверженно путника, прошу прощения, краем уха слышал твой разговор с оператором, позволь кое-что предложить, достойное дело

для всеобщего блага.

Лесть и ложь нагло сквозить в его речи, без особой маскировки, меня не проведешь. Думается мне, парк уже совсем нет тот, каким был раньше. Будучи уверенным, что его предложение меня не заинтересует, решаю послушать ради любопытства.

– И что же можно предложить такому самозабвенному туристу?

– Вступай в круг Светлых Пилигримов. Мы несем мир и благо людям, в том числе на земли «Парка Восхождение». Вместо рискованного покорения вершины наши сторонники приносят реальную пользу и получают щедрое вознаграждение, в том числе личный, образно говоря, билет на желанную высоту. Мы ищем неординарные личности, вроде тебя. Ну как, заинтересовал? Пси-закладка за наш счет, между прочим.

– У тебя слишком высокое мнение о моем благочестии. На самом деле, имею весьма прагматичные цели, а доходов мне хватает. Извини, предложение правда хорошее, уверен в успехе ваших светлых начинаний, но без меня, – с нотой сожаления в голосе завершаю свою короткую тираду и не дав этому рекруту продолжить вербовку. Обхожу его по дуге справа, сразу заворачивая в кабинку кассы.

Кассира озадачила моя просьба двойного платежа, видимо редкая операция. Пока она морщит лоб и грызет ручку, мои мысли возвращаются к странному предложению Пили-

грима. Пытаюсь вспомнить, но нет, в жизни-то с подобными людьми не сталкивался, знаю только в теории. На мой взгляд появление идейных групп в среде путешественников говорит, что парк меняется совсем не в лучшую сторону. Видать нашлись силы, недовольные возможностью людей самостоятельно путешествовать. По себе знаю, чем меньше вмешательства, тем лучше, а теперь нам всем грозит усложнение, и поди еще официальное. Мысленно успокаиваюсь, ибо мне в любом случае нет до них дела, да и вряд ли пересечемся.

Больше меня не отвлекали задушевными беседами и сомнительными сделками. Подготовка к путешествию идет полным ходом. Обхожу по очереди несколько кабинетов. Специалисты проверяют состояние моего физического и психического здоровья, дабы не допустить в парк больных или неадекватных, которые потом будут предъявлять претензии и создавать неудобства. В зале контроля пространства мне предоставляют выбор точки старта, их стало больше прежнего, хоть что-то приятное в обновлении.

Мое перемещение по коридорам сопровождается приятным голосом громкой связи, повествующем о чудесах предстоящего странствия:

– Еще одной технической новинкой, обеспечивающей комфорт и полное погружение в природу, стала глобальная голографическая камера. Она снимает любые потаенные уголки дикого мира. Забудьте про назойливых дронов-насекомых, докучающих своим вечным присутствием, насла-

ждайтесь полной естественностью.

– Да уж, такое трудно забыть, – невольно вырвалось у меня вслух, а про себя подумал. – Как только мой ум не изощрялся в тот поход, подгоняя логику под существование более чем подозрительных мух и жуков.

– Мы также рады сообщить об исключении участия персонала во внутреннем парке, – продолжает вещать голос. – Его задачи переданы операторам силового поля. Еще одним приятным моментом... – дальнейшие сведения проходят мимо моего слуха, после прохождения шлюза, делящего здание на две логические зоны.

Остается совершить последний шаг. В кабинете изменения сознания меня просят сдать на хранение все личные вещи, включая одежду. Младший научный сотрудник требует скорее перебираться в капсулу погружения. Молчу, слушаюсь, но, признаться честно, ощущаю слабый мандраж. Делаю это второй раз, и все равно приятного мало, когда временно лишаешься части своей памяти и сильно меняется восприятие реальности. Залезаю в не самое уютное устройство, пусть теплое, но далекое от совершенства, и невольно вспоминаю технологии военных. Лампы Гарвиша все-таки чудная вещь, жаль не для всех. Вспоминаю видеоролики, как клановые бойцы с космодесантниками заходят в облако света и готово, а надо мной сейчас закрывается крышка, навевая мрачные образы.

Окружающий мир временно сменяется темнотой. Радую-

юсь, что ждать долго не пришлось, ибо процедура, правда, упростилась. Лежу и думаю, пока могу. Скоро все это не будет иметь решительно никакого значения, все забудется. Вновь придет странное чувство, словно прошлое размыто и находится где-то за гранью, а сейчас существует только этот огромный парк. Отлично помню, как в голове некоторое время держится намерение добраться до вершины горы, что в двух неделях нормального хода. И тут же вспоминаю, как быстро гаснет яркость намерения, уже к вечеру второго дня, делая из человека щепку, попавшую в горный ручей. Вот тогда и выяснится, на что теперь гожусь, сколь велика поднятая за прошедший год сознательность.

Сбой

Несколько томительных секунд раздаются звуки работающего оборудования, после чего капсула внутри вспыхивает неприятным красным светом и прежде, чем мое сознание померкло в голове, начинает мелькать ряд воспоминаний. Лежу в оцепенении. Не представляю, как это работает, но результат ошеломителен, в буквальном смысле. Почему-то вспоминаются люди из прошлого похода. Вижу, как наяву, они находятся в полной растерянности первые минуты, пока не отошли ото сна. Понимание к нам тогда приходило довольно быстро, правда в урезанном варианте. Однако вложенные пси-закладки так или иначе заставляли шевелиться и идти, во всяком случае в первый день все работало. Невольно кривлюсь от неприятной мысли, что самому предстоит стать таким же Иваном, не помнящим родства. Немного обидно, но бывает и хуже.

Красный свет меркнет и все стихает. Ожидания шокирующего ментального воздействия не оправдались. Отлично знаю, по-хорошему, мне надо, отключиться, а сознание придет позже, в отправном лагере, в одном из его домиков. Ведь для удобства путешественники просыпаются в койках, будто приехали прошлым вечером. Вокруг меня же до сих пор стенка капсулы. Мне подумалось, что обновление коснулось и технологии погружения. Но додумать эту мысль не уда-

лось. Раздается шипящий звук, и воздух наполняется газом, щекочущим ноздри.

Открываю глаза, но изображения нет. Вижу, лишь темнота и трогаю стенки неудобной капсулы. Тело слушается и мне кажется, что началось стремительное движение куда-то вперед. Со всех сторон доносятся повторяющиеся механические звуки, в которых легко узнается работа подушки монорельса. Не понимаю куда потерялась моя извечная инициативность и жажда действий, даже думать не хочется, остается лишь задремать. Сквозь сон, больше похожий на бред, вновь прорезаются металлические поскрипывания гидравлических приводов. Крышка капсулы плавно отходит в сторону, пропуская в уютную темноту яркий свет. Двое людей в спецодежде сноровисто вытаскивают меня наружу и перекладывают в одну из тех самых коек. Желание шевелиться, а тем более говорить так и не приходит.

– Кто это у нас такой умный, а может быть хитрый, – гудящим голосом произносит старый и мускулистый человек с усами-щеткой. – Решил поиграть? Ну давай, будет весело, – он напоминает сумасшедшего, и кого-то очень знакомого. – Ты какой-то серьезный, расслабься, – сказал он, меняясь в лице, чередуя разные облики, словно не мог выбрать себе приятную внешность.

Меня передергивает, и сон пропадает, на удивление сохраняясь в памяти. Понимание ситуации приходит постепенно, капля за каплей просачиваясь в разум. Поверх воспо-

минаний бредового сна, в голове крутятся разговоры из только что покинутого здания компании «Восхождение». Происходящее кажется недопустимым и невозможным. Вопреки всему понимаю, что моя память осталась не заблокированной, вместе с сознанием. Первая мысль, мелькнувшая в обескураженной голове, предлагает обратиться к персоналу. На мое счастье в отправных пунктах их достаточно. Решаю обязательно сообщить о проблеме погружения, ибо не знаю, как отнесутся к сбою, если его утаить. Может все аннулируют, и привет, испортят мои большие планы.

Пока есть время, оцениваю ситуацию. Если шоры восприятия на меня не подействовали, то усыпляющий газ, уж не знаю, чем именно путешественников угощают, сработал исправно. Такой вялости не помню даже после больших концертов или экзаменов. Лежу теперь, как катком раскатанный. Ум заходит за разум, мешая решительным действиям. Мысленно жалею вложенные средства и время, лишь странный сон оставляет надежду на гибкость здешней политики, кто их знает. Пытаюсь сообразить кто предложил мне игру, он открыто намекнул оставить все как есть. Недолго думая, решаю пока сыграть роль обычного, зачарованного и беспмятного путешественника, а дальше, как повезет. Даже, интересно действовать с полным осознанием ситуации, не то что прочие, словно котята слепые.

Спустя пару часов дремы, силы вернулись ко мне, даже осмотрелся. Лежал, оказывается, в простой бревенчатой

комнате, с тремя другими участниками. Собираюсь встать, но замечаю вошедшего сотрудника. Обнаружив мнимое пробуждение нового путешественника, он тут же принимается за свою работу. Человек ведет меня, придерживая за плечи, судя по указателям, сразу в помещение с экипировкой. Подразумевается, что мое сознание уже верно оценивает обстановку. Прибыл якобы ночью в дикий край, покорять местную вершину, отдохнул с дороги, и все, большего знать не положено. Тихо посмеиваюсь этой мысли, ибо наивная легенда, но работает. Гляжу на еще нескольких примороженных путников, и вспоминаю, что часть навыков и понятий остается, часть забывается. Пока не могу понять, как обстоят дела сегодня, но год назад именно так и случилось.

Снаряжение

Проснувшихся вместе со мной оказалось мало. Около семи человек ждало своей очереди в просторной комнате, похожей не то на бар, не то на магазин. Всюду дерево, кованые светильники и привлекательная небрежность в исполнении каждой детали. Непередаваемый дух жилища лесника, или даже лесного хранителя, могущественного и древнего. Крепкий дядька затасканного вида, иначе и не скажешь, на хранителя походил мало, зато исправно выдавал вещи. Сейчас он обслуживал неправдоподобно тощего человека, водрузив на стойку рюкзак и пакет одежды. Мысленно усмехаюсь, сравнивая его с таким же худым собой, зато нам легко шагать, лишь бы не перегружаться. А этот человечек, судя по горе предметов, явно предусмотрел все беды, или комфорт любит, кто его знает.

Искатель пути остался доволен своим имуществом, и молча отправился в кабинку, для переодевания. Люди проводили его оценивающими взглядами, думая каждый о своем, если они вообще соображали после тяжелого для организма погружения. Встаю последним в очередь и остается лишь ждать, впрочем, как всегда, это практически мое хобби, ждать, правда, терпеть его не могу. Смотрю и понимаю, что фантазия вместе с пониманием у людей сильно разнятся, о чем прямо говорит выбранное снаряжение. Один из путни-

ков походит на авантюриста, со своей легкой поклаже, определенно специфического назначения, если судить по металлическому лязгу внутри. Следующий показался мне новичком. Парень взял универсальный набор, не имеющий как явных преимуществ, так и недостатков. Сколько людей, столько и мнений, оно и к лучшему, иначе скучно.

Как это часто бывает, начался спор, перерастающий в ссору. Молодой человек, с острыми чертами лица, стоящий передо мной, завелся с пол-оборота. Он обрушил на кладовщика потоки брани, возмущаясь выданными ему вещами:

– Безобразие, кто подсунул мне эту ерунду?. Какого дьявола рюкзак наполнен алкоголем и где элементарные вещи.? – он нервно разодрал пакет с экипировкой, бросив его ошметки за спину. – А в такой одежде только на пикник выйти можно. Прошу замены.

– Все строго по списку, внизу подпись и имя. Вот, пожалуйста, – усталый человек протянул бунтарю лист. – Извиняюсь, но выбор уже сделан, мое дело выдать, а проблемы с памятью придется решать самостоятельно. Бери, чего стоишь, это лучше, чем ничего. Не устраивает, можно поменяться с кем-нибудь, желающие найдутся, – кладовщик сделал хитрое выражение лица и подмигнул.

В помещение ворвался настоящий вихрь, с центром в виде восторженного и всклокоченного человека. Он видел впереди только цель, игнорировал препятствия вроде порога, скамейки и даже меня. Мне сразу вспомнились образы счастли-

вых псов, при встрече с хозяевами, или разыгравшихся детей – сплошной позитив и самозабвенность. Вдохновенный и громкий голос, полагающийся телеведущему или поэту, идеально завершил его образ. У меня даже возмущения не возникло от продлившегося ожидания.

– О. Доброго дня, – торопливо заговорил он. – Вот мои бумаги, меня зовут Валентин, мне нужно спешить. Где мои благословенные вещи? Прошу скорее, солнце еще высоко, мне надо все успеть.

– Все успеют, попрошу не суетиться и соблюдать очередь, – кладовщик, не изменив флегматичного выражения лица, выложил на стол требуемое. – Надеюсь, такой энтузиазм заменит палатку и все остальное.

– Ах, палатка, какая ерунда, – всплеснул руками Валентин. – Крышей будет небо голубое, а сосны стенами. Все суета сует, все не важно, когда речь идет о восхождении. И вообще, у меня спальник теплый, непромокаемый, – проговорил он, моментально заглянув в рюкзак, и сразу извлек наружу большой струнный инструмент.

– Надо полагать, горные ботинки придется в тягость? – вопрос сам собой вырвался из моих уст.

– Верно. Не стоит утруждать себя лишней тяжестью. Моя обувь тоже хороша, и красива, – человек начал одеваться, не сходя с места. – Зато в пути мне поможет моя мандолина, а на вершине можно будет откупорить этот напиток богов, – из недр маленького рюкзака показалась изящная бутылка.

– Смело. Могу только пожелать удачи, – говорю ему вслух, а про себя думаю другое. – Как же тебя смешно погружение вывернуло, или с пси-установкой перемудрил.

Из крайней кабинки вышел подтянутый мужчина с лопатообразной бородой. Выразительно крикнул, глядя на романтика, лишенного всяческих комплексов, и пробормотал:

– В глазах огонь, на устах славная песня, сердце ведет вперед. В голове ветер, майка от колючек не спасла, а кишка кишке стучит по башке. Извини, экспромт, – он вежливо откашлялся. – Мое дело предложить, твое отказаться, но купи пачек двадцать рационов, вряд ли святым духом наешься, то наука не простая.

– Эх, люди-люди, – с сожалением сказал Валентин в спину удаляющемуся бородачу. – Куда же делись благородные мечты, один сухой прагматизм. Планирование маршрутов, тактики, техники, навыки, запасы, – он с сожалением надел поверх рюкзака ремень необычно большой мандолины. – Дорога всех рассудит, и еще мир любит оптимистов. А рационы у меня рационы. Никуда от тщетности бытия не деться.

Валентин развернулся на каблуках, и звонко чеканя шаг удалился на встречу чудесному миру приключений, а у меня произвольно вырвалось:

– Может он и прав, – умолкаю, и мысленно продолжать развивать мысль. – Какие же все дураки в погружении, но у каждого что-то светлое остается, хоть и преувеличивается.

Кладовщик выразительно приподнял брови. Парень с де-

вушкой, стоящие позади меня тоже промолчали, видимо не стали закачивать в себя столь рискованные пси-установки, к тому же не все после пробуждения внятно воспринимают реальность. Мне стало интересно узнать название той причудливой программы, одевающей на разум не розовые очки, а скорее радужный пузырь, красивый и зыбкий, хотя мне такое не нужно. Наконец выдача снаряжения возобновилась. Кладовщик сноровисто выставил на стол мою поклажу, получив свернутый в трубочку лист. Случайно замечаю, что мои руки живут отдельной жизнью, потому что нервно теребят край рубашки. Как ни как, собрата по искусству встретил, наверное огорчился за своих, кто меня знает.

– Вот вещи, можно расписаться. Надеюсь, все устраивает. Лучше экономить мое время и вообще любое, оно тут не резиновое, – сказал человек за стойкой, давая тонкий намек всем присутствующим, о предстоящих испытаниях.

Возражений у меня не было. Подумал, что нечего тут спорить, что заказывал, то и получил. Даже без памяти выражать протест и скандалить нет смысла. Вещи отличные и характер у меня мирный, правда начал портиться последнее время. Расписываюсь, и думаю, что выгоды пока от полного восприятия нет. Разве что понимаю, для какой цели совершен тот или иной выбор, и как важно дойти до цели, а главное не забуду в пути. Мои вещи никто оценивать и порицать не стал, все внутри рюкзака, никаких навесных котелков, ковриков и мандолин, и в кабинку зайти мне не лень.

Спокойно одеваюсь и выхожу, посчитав свой минимализм, скупой и практичный, вполне приемлемым, на фоне массовых причуд. Вспоминаю свою старую идею о высшей рациональности ради достижения вершины, ничего лишнего, верно оператор вчера подметила.

Первые шаги

Отпущенное время, по совету кладовщика и моему разумению, следовало сразу расходовать разумно. Поэтому спешу покинуть точку отправления. Просторный коридор главного здания, выстроенного все в том же стиле охотничьего дома, выводит меня на круглую площадку, отсыпанную щебнем. Сооружение оказалось копией канторы из поселка «Четвертая Орбита». Наверно, у особо проницательных, это вызывает ощущение дежавю. На ходу посматриваю по сторонам из-под полей новенькой шляпы. Всюду ходят, стоят и даже лежат горе-путешественники. Да, именно так, ибо большинство из них, а может быть и все, вряд ли получают желаемое по разным причинам, разве только новое понимание получают. Люди еще отходили от сумрачного состояния, и лишь единицы устремлялись в путь, по тропе, пересекающей зеленый луг.

Совершаю несколько шагов, замечаю внутри себя навязчивое ощущение или желание. Оно зовет и тянет к далекой вершине, спрятанной где-то за горизонтом, не позволяя оставаться на месте. Понимаю, что в работу вступила стандартная пси-установка, загруженная каждому участнику. Без нее не каждый бы пошел к вершине, таково уж полное погружение. На мой взгляд трудно тем путникам, у кого восхождение не становится главной ценностью, забыл, считай,

проиграл. Перед глазами возникли картинки бывшего похода, когда сотни таких бедолаг, сидят сутками в палаточных городках, вдоль маршрутов, и просто в лесу, или блуждают по парку. Помнится, они занимались чем угодно, только не шли к цели. Сам такой был, тяжело без полноценной осознанности.

Даже шагу сделать не получилось, потому что на моем пути возник молодой человек, интеллигентного вида, на удивление, идущий к крыльцу, а не в парк. Он закричал еще издалека:

– Помоги, помоги. – парень шел дерганой походкой, словно не владел собственным телом. – Что здесь происходит, это какой-то розыгрыш, да?. – он судорожно схватил меня за руку.

– Тьфу ты, – мне пришлось отшатнуться. – У меня, что, на шее табличка «Справочное бюро»? – паникер разжал пальцы и смутился. – Расслабься, все в порядке. Здесь происходит путешествие, и ты идешь к вершине, как и все, – отвечаю рассудительным тоном, а про себя подумаю. – Видать погрузился ты, молодец, слишком глубоко или неправильно. Всякое бывает.

– Тоже решил издеваться, как та семейка.? Все сумасшедшие. Мне хочется домой. Кто меня сюда притащил? – уняв волнение в голосе, продолжил свое излияние. – Уведи меня отсюда, из этого непонятного места.

– Могу только позвать дальше, за собой. Пойдешь?

Заблудившийся в пространстве разума, и раскинувшего-ся перед лагерем луга, развернулся, потрусив куда-то прямо по траве. Мне показалось, что он обиделся, пошел соблез-нуюющих искать. Однако даже в мыслях не критикую, хоть и крепко у него заклинило в голове, остается лишь удачи поже-лать, вдруг оклемается, если вершину не возьмет, хоть погу-ляет. Он странным образом напомнил мне некоторых знако-мых людей, со времен школы, только в чрезвычайно сжатом варианте. Если верить недавно прочитанным статьям, до сих пор во внешнем мире встречаются заблудшие и заброшен-ные личности, начисто отрицающие реальность и себя в ее контексте. А ведь столько лет прошло после эпохи перемен.

Мне захотелось как можно скорее отстраниться от суе-ты этого детского сада, заодно проверить пси-закладку. Кон-центрируюсь, расслабляюсь, и молча радуюсь, что мне все равно, ибо подобного балагана впереди еще хватит. С обре-тенным внутренним покоем добираюсь до края ровной пло-щадки, и замечаю знакомое лицо. Похоже Валентину не уда-лось на всех парах помчаться к вершине. Мечтатель не смог пройти мимо еще более причудливо экипированного путни-ка. Его вид сразу напомнил мне хиппи, удивительно живу-чую субкультуру, хотя сам одно время был вхож в подоб-ную компанию. Помимо цветастого балахона, широченных штанов и распущенных волос, к его поклаже был приторо-чен брутального вида барабан, явно этнический. Еще один собрат, к счастью, не на мою голову. Эти оригиналы эмоци-

онально спорили, невольно став центром всеобщего внимания.

– Чего думать, надо идти, бежать, лететь, – не унимался Валентин. – Эшли, хватит дуришь.

– Мне надо подумать, а ты слишком беспечен, даже в моем понимании, – хиппи был непреклонен, продолжая сидеть, подогнув колени. – Пойду только тогда, когда явственно пойму куда, как, и с какой целью надо двигаться.

– Как же так?. Ну скажи, что мне сделать, дабы сподвигнуть тебя? Могу спеть, сыграть, или дать пинка, – взъерошенный романтик плюхнулся рядом на траву. – Предложи сам, если не нравится, но только подумай, какого дуэта лишится мир, если ты здесьпустишь корни.

– По-моему ты сам не знаешь точного направления, как и все прочие, уже спрашивал. Мне же нравится определенность. Лучше подождать хорошего случая, или знака. Ты умеешь читать знаки мира?

– Пожалуй нет, – пожал плечами Валентин, успокоился, а затем скорчил коварное выражение лица. – Зато случай сам предоставлю.

Неугомонный парень одним движением выхватил барабан, побежал с дикими воплями по главной дорожке. Эшли не стерпел пропажу любимого инструмента, и устремился за новоиспеченным приятелем. Их сумасшедший забег сопровождался гулками, почти рычащими ударами в мриданг и шепотом путников, толпившихся перед зданием. Смотрю им

вслед, улыбаюсь как своей памяти, неожиданно подсказавшей название инструмента, и идеальной мотивации, видать затронул Валентин главную ценность приятеля. Мне подумалось, как забавно устроена система равновесия. Эти двое могут идеально дополнить друг друга, если не подерутся, что мало вероятно. Хиппи все-таки народ мирный. Больше в лагере меня ничто не задержало, зато поднявшееся в зенит солнце, советовало поспешить.

Своим привычным широким шагом двигаюсь по ровной тропинке, пока что свободной от огромных камней, разлившихся ручьев, завалов леса и прочих прелестей, ожидающих каждого впереди. Меня окружают благоухающие дикие цветы, по сторонам луга тянется кромка светлого леса, приятно шелестящего на ветру. Сверху плывут облака, похожие на летающие острова, ровные снизу и пышные, с невесомыми холмами сверху, почти как в родной степи. Они то и дело укрывают солнце, скользя тенями по океану трав. Вдохновленные этой чудной картиной меня обгоняют несколько молодых людей, объединившихся в группу, почти бегут, брякая поклажей. Судя по искренней радости в голосах, они уже достигли взаимопонимания. Должно быть пример двух затейников-музыкантов пошел впрок.

Меряться с ними силой и брать на обгон не стал. Разгоняюсь до привычного мне быстрого шага, надеюсь на свою выносливость, не зря же тренировался. Стараюсь не напрягаться, прислушиваюсь к ощущениям, как будто новую вещь

купил и теперь осторожничаю. Дышу носом, ровно ставлю стопы, ибо научен уже горьким опытом, натоптышами и прочей радостью. Отлично помню, что золотая середина предпочтительнее, потому как если тихо ехать, то дальше не будешь. Что наглядно демонстрируют сейчас несколько тучных товарищей, плетущихся впереди. Мысленно представляю их принцип и оправдание: «хорошего человека должно быть много». Но тут же прерываю осуждение, может именно они сэберегут желание достичь цели на протяжении всего путешествия и добьются своего, здесь многое возможно. Деликатно обгоняю их, не тревожа словом и делом, начисто отстраняюсь от любых оценок. Шагаю один, как всегда, вполне счастливый.

Семейка

Дорога вела прямо на одиноко стоящий холм с несколькими вершинками. Иногда бывает досадно после легкого марша по равнине преодолевать подъем, но обходить все равно дольше, к тому же по густой траве. Подле одной из возвышенностей замечаю людей и палатки. На мой взгляд странно устраивать стоянку через час пешего хода, да еще одиночную. Обычно народ собираются на контрольных точках, но кто их знает. Приближаюсь, прохожу мимо. Не поворачивая шею, одними глазами смотрю на искателей счастья.

Резво бегают дети в одних шортах, вооруженные прутиками. Хотя нет, уже ловят насекомых и сразу пытаются помочь сгорбившемуся мужчине закрепить палатку. Младший норовит удрать в даль, к горизонту, его ловят, визг и радостные крики. Внятного плана, забав и шалостей нет – анархия. Детвора забывает о прежних потехах, когда одна из женщин открывает сверток с припасами. Руки тянутся к еде, глаза замечают бабочек, а ноги уже несут в погоню за убегающим младшим. Переполох на секунду сменяется криком отчаяния. Босоногий отпрыск в большой панаме скачет на правой ноге, видимо наступив левой на колючку. Вспоминая себя такого же, и проникаюсь моментом, первая кровь, почти посвящение.

– Мама посмотри кого мы поймали, – доносится до меня

радостный голос.

– Выброси эту дрянь. – кричит невидимая мне женщина. – И сейчас же вымой руки. Не тяни в рот. Не вздумай, – раздается шлепок и крик.

– Дядя Сережа, можно мне эту штуку взять? – рыжий малец с головой забирается в рюкзак, заваливаясь в сторону костра. – А что это такое?

– Нет-нет-нет, не сейчас, – дядя Сережа в последний миг ловит газовый балончик, подпалив край ярких шорт.

Тихо посмеиваюсь, ибо в моем детстве подобного бедлама не было, и с интересом наблюдаю бесплатное представление, сбавив шаг. Пара мужчин с городским загаром пытаются восстановить костер, пока погорелец рвется в разбросанных вещах, ища что-нибудь новое. Сложенные рядом съестные припасы незаметно расхищаются, в том числе его собственными руками. На память приходят отзывы людей, рискнувших достичь вершины всем семейством. Хихикаю в кулак над задумкой тащить за собой столь неуклюжий обоз. Здесь даже опытные группы временно с ума сходят. Поэтому и отправился сам по себе, чтоб никто на шее не висел и под ногами не путался. Отворачиваюсь, ускоряю шаг, надеюсь скорее удалиться. В такие моменты считаю, что своим присутствием смущаю людей. Однако останавливаюсь, услышав плохо различимый оклик.

– Товарищ, извини, позволь обратиться, – прокричал мне загорелый толстяк, неуклюже встал, почесывая живот, от ви-

да которого думалось, что дядя проглотил целый арбуз. – Минуточку, минуточку, просьба пустяковая, – он проворно засеменял от своей палатки.

– Добрый день, – отвечаю ему с вежливостью, которая обостряется у меня в неясных ситуациях, – можно не извинять, ты уже обратился. Могу чем-то помочь?

– Скажи, друг, средство от мозолей найдется, чтобы быстро помогло? Все взяли, а аптечку забыли, выручай, беда, – но просительно уставился на меня, надеясь на чудесное исцеление.

– Из быстрых только нож. Нет пальца или пятки, нет и мозоли. Полагаю тебе не понравится, – шутка не удалась, пришлось ответить серьезно. – Могу предложить только лейкопластырь, из тех, которые не отклеиваются, – договорив, стягиваю рюкзак, и быстро расстегиваю клапан.

Толстяк расплылся в улыбке, пылая алыми от жары щеками, и махнув рукой, проговорил:

– Только это не мне надо. Жена, Валя, ногу натерла, так вперед рвалась, с непривычки видимо, или обувь узкая. Мы сначала хотели до следующей стоянки идти, там помощи спросить, а то больно жадные путники здесь встречались.

Из-за пестрого шатра, скрывавшего от нас вторую половину стоянки, раздался ворчливый голос:

– Никаких следующих стоянок, и думать забудь, мне и тут хорошо, если бы не нога. Где там пластырь, целые сутки маю, давайте скорее.

В тени шатра замечаю сидящую вторую половину, а точнее половинице, краснощекого Толика, имя которого выяснилось из коротких реплик супругов, больше похожих на перебранку. Даже без личного опыта медицинских курсов, беглый взгляд на травму успокаивает моего внутреннего спасателя всех вся, действительно пустяковая проблема, зато кричит как белуга, правда слышать, как эта белуга кричит мне не доводилось. По мне можно многое стерпеть, однако Валя проявила капризный нрав, что не самое худшее в глубоком погружении. Вручаю ей рулон пластыря, и отхожу в сторону, осматривая окрестности, и чтобы наверняка не смущать. Пришлось порядочно удалиться, избегая столкновений с разрезвившимися детьми, эдаких малых и средних кабанчиков.

Тем временем заботливый Толик успокаивал жену, и в пронзительной полуденной тишине его слова не остались тайной:

– Теперь точно заживет, ты потерпи с недельку. И вообще, можно дальше к вершине не идти. Да-да, дорогая. Брехня это восхождение, брехня. Мы уже и так на вершине, разве нет, чего еще желать то? Пусть другие, у кого свербит в одном месте, по лесам носится. Мы и так вон на какую гору залезли.

– Ох, наконец-то понял, что тебе говорила. Поди те два лося с шилом в одном месте надоумили, чуть лагерь нем не снесли, – она тяжело отдышалась, размахивая импровизиро-

ванным веером. – Мне тут правда хорошо, и детишкам весело, гляди как разыгрались. Ладно, хватит, на сто рядов уже замотал. Давай, устраивай нормальный лагерь, а то, как бедные родственники притулились.

Толстяк вернул мне коробочку и, поблагодарив, распрощался, задорно хлопнув по плечу, расплывшись в белозубой улыбке. Удаляюсь по дороге вниз, а ветер доносит до меня, наконец, слова развязавшегося языка Вали. Она в самых изысканных выражениях дает указания по созданию уюта. Тихо посмеиваюсь и думаю, что все-таки она воспитанная, при посторонних почти сдерживалась. Они показались мне смешными люди, внешне большие, а по целям и восприятию от детей своих в одном шаге. Рады синице в руках, хотя на восхождение идут стяжающие журавля в небесах, ибо будущие возможности воистину велики. Хотя, кто знает какие у них цели.

Увиденное отказывается выходить из головы. Мне было ясно, что сознание Толика сдалось моментально. Поддался человек еще совсем слабому, тормозящему воздействию следящей системы. Все мы у нее на крючке, хорошо, что сам пока свободен от этого влияния. Зато отлично понимаю, что логический аппарат толстяка постарался на славу. Возможно, мне показалось, но отец семейства ловко нашел утешающее оправдание временной остановке. И все же они не вызвали у меня негативной реакции, не зря отстраненность заказал, с другой стороны их следует уважать за попытку. По-

нимаю, что большинство людей в мире вообще довольствуются прямыми трансляциями, сидя на диванах.

Широко шагаю по пыльной грунтовой дороге, заросшей по краям такими же пыльными подорожниками, и на ходу припоминаю слова лидера нашей группы, лучшего солиста, из всех, кого знал. Он часто говорил после фестивалей на юге, что некоторые исполнители выходят на сцену только в качестве наглядного примера другим, как не надо делать. Наш солист долго объяснял, что они остаются внизу всех рейтингов, зато отражают твои недоработки, или подсказывают, чего следует избегать. Помню, мы тогда многому научились, правда и сами, скорее всего, тоже исполнили аналогичную роль для более умелых музыкантов.

Ныряю то вверх, то вниз, минуя три холма подряд. Дорога, наконец, выравнивается и выводит меня на обзорную точку. Моему взгляду открывается впечатляющий вид первого большого перехода. Холмистая долина с перелесками окружена высокими горами и пересечена на всем протяжении тонкой ниткой тропы. При хорошем ходе такое расстояние покрою за два-три часа. А карта сообщает, что на краю этого умиротворяющего места каждого ждет первая большая стоянка. Вспоминаю, что там можно многому научиться, обменять снаряжение или надолго зависнуть. К счастью, уроков на этот раз мне не требуется, ибо сохранил помимо памяти еще и навыки, в отличие от остальных погруженных. Разогретые ноги и пси-закладка на желание путешествия, попо-

лам с собственным настроем увлекают меня вперед, к горизонту.

Ясли

С расчетом времени у меня вышла промашка, переоценил свои силы. Несмотря на это, спустя четыре часа, за очередным холмом показался лагерь, сулящий отдых и халявные удобства. Продолжаю идти по дороге и одновременно думаю, что лучше остановиться вдали от людей, но прирожденное любопытство влечет поглядеть на перемены в среде путешественников, мало ли что полезного узнать можно. Вспоминаю свое старое правило, не упускать возможность заметить отражения своих темных сторон в окружающих. Солнце уже достигает зенита и начинает припекать, благо, что шляпу взял. Рядом вижу редкий лес с небольшими скальными выступами, меж ними петляет извилистое русло ручья. Даже на мой не искушенный взгляд, местечко во всех отношениях превосходное для отработки любых навыков. И мое счастье, что могу игнорировать эти ясли.

По обеим сторонам дороги, тянутся заросли дикой малины с ежевикой; и пища, и ограда. Дальше выглядывают цветные тенты и навесы. Выбираюсь из ягодных кустов, и, наконец, вижу многочисленные палатки, составленные в самые разнообразные композиции. Вокруг центральной поляны выделяются свободные площадки для обучения, многие уже заполнены слушателями. Со всех сторон до меня доносится нескончаемый говор и даже шум, создаваемый сотня-

ми людей. Видимо все ищут знаний, как могут, в меру своего понимания. Замечаю, что народ сидит на своих ковриках, постелив их прямо на земле, даже стволов не натаскали.

Мой не затуманенный погружением взгляд сразу выделил из общей массы учителей. Прекрасно понимаю, что свои навыки они впечатали в память годами повторения, сам в прошлый поход помнил, как звуки из струн извлекать. Неожиданно меня посещает откровение, что здесь могло не обойтись без особых пси-закладок, меняющих выбор главной цели. Вспоминаю, читал как-то раз статью о способе заработка парковых монет, на забывчивых и неопытных путешественниках, с последующим вложением в себя. Но такой долгий путь не для меня, бегай на погружение несколько лет, напрягайся, а успешное восхождение даже сотня программ в голове не обеспечит. Однако, прекращаю критику, подумав, что может им просто нравится заниматься любимым делом, ради самого процесса, хотя кто их знает.

Выкидываю из мыслей странных учителей и доверчивых учеников, и начинаю выискивать взглядом свободное местечко, ради недолгого привала. Подойдет любое, ведь задерживаться нет надобности, только бы уши чуть-чуть развесить. Хождение кругами снова выводит меня на край центральной поляны. Останавливаюсь, гляжу на главную причину длительной задержки новичков. Молодой человек, опрятной внешности и с хорошо поставленным голосом представляет свой обучающий курс.

– Экстремальная медицина для настоящих героев. Помоги себе и выручи товарищей на пути к цели. Не умеешь перевязывать раны, лечить отравления или растяжения? Наши мастера медицины поделятся с тобой знаниями. Мы гарантируем практичность полученных навыков. Они могут спасти тебе жизнь. Люди заблуждаются, надеясь пройти весь путь без травм и ранений, которые способны поставить жирную точку в вашем приключении. Будь благоразумен и не упusti свой шанс. Набор новой группы до вечера, скидки за курс двадцать пять процентов. Всего два дня и двести монет помогут тебе уцелеть в пути.

– Запишемся? – сказала девушка, стоящая рядом, своему спутнику. – Рану, может, и забинтую, а остальное вряд ли, особенно переломы. Ну, ты чего такой кислый?

– Не знаю, не знаю, – качает головой сухопарый парень в камуфляже. – Дорого, хоть и полезно.

Мне подумалось, что равновесие парка не рухнет, если подскажу погруженному правду:

– Верно сомневаешься. Типичный маркетинг в действии. Сначала запугай народ, потом помощь предложил, не самая благородная технология.

– Но ведь он прав, без медицинских навыков пропасть можно, – возмущается девушка.

– Да, все правы. Одни в знаниях нуждаются, другие их дают. И никогда не узнаешь, что в пути пригодится, ведь опасностей много, от банальных драк и ядовитых растений, до

удара молнии или ледяной воды горных рек. Можно пройти все курсы и не успеть дойти, а можно рискнуть, положившись на удачу.

– Ты так говоришь, как будто уже до вершины сходил и вернулся, – сказал молодой человек.

– Может и сходил, ты ведь не видел, откуда меня принесло, – понимаю, что мой язык развязался, но продолжаю. – Как-то раз научился нескольким мелочам. Трое суток потратил. Теперь умею узлы плести, минералы различаю, воздушную переправу могу устроить. Уже не верю, что пригодится, а ресурсы ушли, – сказал почти чистую правду, слегка прирав, все-таки они погруженные.

– Теперь точно ничего не понимаю, – сухопарый откровенно растерялся. – Надо хоть какой-то курс пройти. Что мы, зря сюда заглянули? Может, что подешевле подыщем?

Продолжение их терзаний решил не узнавать, пусть сами разбираются, а мое дело сделано, посеял зерно сомнения. Собрался идти дальше, но замечаю странное чувство неловкости, будто мне стыдно и немного страшно уходить, не пройдя ни единого курса. Тут же соглашаюсь, но не понимаю, для чего это мне, свободному от погружения, словно на ухо шепчут, за руку держат, лишь бы остался. Полностью отрываюсь, наваждение пропадает, двигаюсь вглубь лагеря, игнорируя вывески и объявления, мало ли как они воздействуют. Понимаю, что меня здесь ничего не держит, а со слуша-

ми обойдусь, пора выбираться. Перед выходом, среди хаоса лагеря, замечаю настоящий дворик. Здесь тоже учат. Два десятка палаток составлены в круг. Внутри идет лекция. Двое людей, скорее всего супруги, говорят о местной флоре и фауне. Их речь полна научными терминами, звучат практические советы, а наглядные пособия подтверждают сказанное, действительно завлекает.

Обхожу стороной маленький островок порядка. С детства в лесу, как у себя дома, хоть в чем-то преуспел. Внутренне усмехаюсь над возможностью забыть или вовсе не знать такие элементарные вещи. Хорошо помню, как богат парк съедобными растениями. Было бы больше времени, с радостью перешел на подножный корм, и польза, и выгода. Думаю, это стоит суммы, заявленной на плакате при входе. Только слушатели на задних рядах не ведают, что упускают, хоть и заплатили. Откровенно скучают, ведут свои беседы, кто-то даже жует. Впрочем, как всегда, хорошо, если один из десяти запомнит и применит. Невольно горжусь собой, ибо никогда от готовых знаний не отказываюсь, жадно впитываю, но здесь глубокое погружение, нечего сказать, и мой багаж знаний достаточно наполнен. Напоследок оглядываюсь, замечая отличников. Сидят пятеро в первом ряду, слушают, вопросы задают. А по глазам видно, и по своему опыту знаю, теория останется теорией.

– Не проходите мимо, присоединяйтесь к нашему познавательному курсу по добыче воды в тяжелых условиях, кро-

ме того, сегодня вечером и весь завтрашний день пройдут еще шесть занятий, жизненно необходимых путешественнику, – выпалил, как на одном дыхании, шустрый малый, встав на моем пути.

– Благодарю за предложение, но нет, у меня хорошая подготовка, – отвечаю ему, мягко отходя в сторону, и думаю уже без цензуры. – Знаем мы таких ребят, в конце занятия поставят провокационный вопрос о выживаемости, и заставят доверчивых посетить следующий урок и так надолго.

– Но у нас самые новые и передовые методики, мир меняется и только наша учебная программа поспевает за ним, мы сделаем из тебя настоящего ходока в диких условиях, – сказал истовым голосом человек.

Не стал ему отвечать. Улыбаюсь, и шагаю за условную границу этого балагана. Как говорится, всех денег не заработаешь, всех знаний не выучишь. Собрался с духом, прибавляю скорость, и вспоминаю о самом насущном, ради чего и хотел остановиться. Хлопаю себя по голове, почти роняю шляпу, и без долгих раздумий меняю давешний план обеда. Располагаюсь в стороне от шума и суеты на теплом камне, и так достаточно услышал. Громких голосов и впечатлений от увиденного хватило с избытком. Раскрываю один рацион, сразу решаю съесть содержимое только одного блока, остальное на вечер. Вспоминаю упреки знакомых за мои двойные стандарты в отношении пищи. Во всем тороплюсь, но еду вкушаю с наслаждением.

Собираю все в рюкзак, поправляю одежду, но идти не решаюсь. Ловлю знакомое чувство, которое возникает перед выходом из дома. Ум панически мечется в такие моменты, вспоминая все ли выключено, взяты ли нужные вещи, и что-то важное, неуловимое всегда ускользает. Так и уходишь, обуреваемый хмурыми мыслями. На этот раз вместо внутренней болтовни в сознании возникает образ старого смотрителя станции, который начинает что-то говорить наставительным тоном, хотя слышу слова, будто за спиной.

– А прав ли ты, со своей самонадеянностью? Былая память, она такая штука зыбкая, сегодня есть, завтра нет, а так хоть что-то знать будешь.

– Меня не сбить с толку такими простенькими угрозами, – сам не знаю, зачем говорю вслух. – Это ведь ты, Система? – ответом мне стала тишина, зато возникло давление в голове.

Оглядываюсь, опасаясь свидетелей внезапного моего помешательства. Успокаиваюсь. Прислушиваюсь к внутреннему миру, богатому и противоречивому. Рядом с моими мыслями различаю чужое бормотание, как будто по телефону собеседника слышу, только без звука. Сосредотачиваюсь. Новых слов нет, зато возникает образ усатого мужика, увиденный не то во сне, не то в бреду. Расстройства психики у меня не случалось, поэтому списываю галлюцинацию все на ту же следящую Систему, видимо не понравился ей мой ответ. Наваждение продолжается, и меня удивляет выбор именно такого облика. В ту же секунду лицо человека плывет, сменя-

ясь на утонченное женское. Перед внутренним взором улыбалась дриада, такая, какими их рисуют фантасты. Наверное сработал стереотип леса и его хранителя, помноженные на женский пол слова «Система».

Сажусь и зажмуриваюсь. Бред продолжался. Мне подумалось, что вездесущая программа не должна иметь человеческого или любого другого облика. Дриада сначала оборачивается громадным волком, окончательно меня напугав, и исчезает. Внутренне радуюсь, что хоть имя не дал, ибо опытный в подобных делах. Иначе бред зафиксировать можно. Трясу головой, окончательно разгоняя морок. Массирую тяжелые виски, представляю, как подобные выходы системы воспринимают погруженные, если вообще их видят. Прихожу в нормальное состояние, быстро встаю и пускаюсь в путь, стараясь больше не думать.

Удалось пройти добрых три сотни метров, чтобы остановился, перед вполне нормальным, природным препятствием. Горная речка или большой ручей отделяет лагерь от густого хвойного леса. Ледяная вода с шумом уносится вперед, щедро брызгая о прибрежные камни, то и дело покрывая мою куртку пятнышками. От ручья приятно тянет прохладой, столь желанной в разгар солнечного дня. По берегам растут настоящие джунгли: папоротники, лопухи с болиголовом, и все выше человеческого роста, хоть просеку прокладывай. Поднимаюсь выше по течению, и не упускаю возможность попить и смыть с лица дорожную пыль. Вкус ока-

зывается приятен, несмотря на легкую ломоту в зубах. Во время вспоминаю о фляге, наполняю ее и оглядываюсь в поисках переправы.

Мнимое помешательство

Ручей оmyвает серые глыбы шумными потоками ледяной воды. Ширина не шуточная и течение быстрое. Ищу взглядом мостик или поваленные стволы, ибо вброд идти не желаю, но ничего нет. Сразу смекаю, что такова задумка руководителей парка. У них хватает инструментов влияния на ситуацию без личного участия, дабы народ сразу погружался в череду ощутимых испытаний. Вижу только валуны, торчащие из воды, для наиболее ловких. На моих глазах трое людей, не уверенные в своих способностях, медленно переходят ручей вброд, сняв обувь и подвернув штанины. Наверно для оставшихся позади Толика и его семейства эта переправа оказалась бы серьезным препятствием, ибо слабеем мы в погружении, и хорошо, что это не про меня.

Цепкая подошва обуви и хорошее чувство равновесия, позволяют мне играючи совершить пару десятков шагов по камням и длинный прыжок на мелкий щебень другого берега. Однако радость любого новичка, одолевшего первое препятствие, дальше развеивается. Впереди ждет однообразный труд путешественника, а именно долгий переход через несколько перевалов, не самых крутых, но утомительных. Меня подобные вещи не страшат, не радуют, ибо отстраненность помогает, и она же позволяет безразлично относиться к пользе самой себя. Пока не требуется неустанно смотреть

под ноги, с интересом гляжу на окрестности.

Высокий сосновый лес долго скрывал от меня гору с каменистыми выступами, а точнее целый хребет. Теперь он открылся мне во всем своем великолепии. Поросшая островками деревьев гора тянется в две стороны на десятки километров. Прямо по курсу движения видна просека в седловине. Единственное место, где можно пройти дальше, не переломав ноги на коварных камнях. Лучше не думать о бедах, вообще не думать. И вот уже полчаса упорно шагаю вверх по перевалу. Пот намочил шляпу над бровями и теперь струился по лицу, спина и задняя стенка рюкзака уже мокрые насквозь. Послеполуденное пекло высушивало меня как сухофрукт, заставляя то и дело прикладываться к фляге с водой, хотя знаю, что лучше терпеть. С каждым метром подъем становится круче, и вместе с ним учащается мой пульс.

Уперши взгляд вниз креплюсь и обхожу выпирающие вверх камни. В такие моменты лучше не останавливаться, а вытерпеть этап от начала до конца без передышки. В голове начинается неуместный внутренний диалог, то ли мой, то ли опять чужое вмешательство:

– Привал на полпути к цели заберет должный запал, расслабишься, а дальше станет тяжелее и есть риск совсем передумать стараться. Не всем такое по вкусу. Но для меня, самые трудные участки пути лучше проходить быстро, ускоряться как при первой поездке на двухколесном велосипеде. До сих пор помню. Удержишься, если ехать быстрее. На

большой скорости обходишь неторопливых, оставляя всех позади, знакомая картина. А встреча равных себе попутчиков, как и более сильных, оказывается небывалой редкостью.

Поток чужого или моего сознания завершается после достижения верхней отметки. От напряжения в теле не хочется думать об его источнике, но похоже это мое. Стою на гребне горы, успокаиваю биение сердца. Вспоминаю, что у меня часто, в минуты высшего накала сил, хаотичные мысли сменяются чем-то иным, ясным и простым, будто пришедшем извне в готовом виде. Перевожу взгляд на пройденный путь, вниз перевала. Там суетится пестрая группа людей, мелкими перебежками штурмующая первые метры. Как всегда, двое длинноногих бегут впереди, пятеро теснятся и натываются друг на друга в середине, один увалень ползет сзади, раздражая всех своей медлительностью. Их явно не беспокоит внутренний диалог, так громко ругаются, даже здесь слышно.

Отстранившись от страха и доверившись своей сноровке, совершаю частые и быстрые шажки, буквально сбегая вниз с перевала, туго затянув ремешок шляпы. Вхожу в раж, и не замечаю, как пробегаю середину спуска, щедро отправляя вниз камни из-под ног. На мое счастье подножие горы свободно от людей. Еще немного неприятной тряски и меня ждет приятная прогулка по равнинному лесу. Можно было бы степенно спускаться, проверяя надежность каждого шага, но это не про меня. Сразу вспоминаю некоторых аккура-

тистов, из бывшего похода, которые на моих глазах все равно скользили вниз, падали, спотыкались. Правда и шустрые хо-доки, каких меньшинство, тоже летали вверх тормашками, даже кувырком, но мне пока везло. Вопреки мрачным вос-поминанием, через минуту мой бег успешно завершается на уютной поляне. Видимо ее расчистили специально для пу-тешественников. Сделали своеобразное крыльцо, а может и сени, если счесть пушистые ели за стены перед стоящим впе-реди лесом-домом или дворцом.

Взор радуют яркие краски насыщенного жизнью про-странства. На фоне сочной зелени, приметными пятнами красуются алые ягоды малины, мерцает манящей чернотой ежевика, а самом низу подлеска иногда выглядывает зем-ляника, скромно прячась от моего взгляда. Можно спокой-но пройти мимо, голода пока нет, кроме того, работает пси-закладка отстраненности. Прислушиваюсь к себе, понимаю, что желания и капризы мне почти безразличны. Только и жажду, что дойти до вершины. А вкусовые пристрастия, ра-ди удовольствия, а не подпитки сил, меня не должны оста-навливать.

Снова знакомое ощущение, и опять неясное, размытое. В голове зудит настырная мысль:

- В этом году ягод не пробовал, упущение. Надо бы на-верстать, ненадолго свернуть с дороги, хоть на четверть часа.
- Ох, какая банальность, – сам себе отвечаю вслух. – Си-стема, если это твои проделки, то зря стараешься и мелко бе-

решь, – шагаю еще, терзаясь сомнениями, и нахожу ловкое обоснование заминке. – Кстати, самое время передохнуть, пять минут, у меня все под контролем.

Руки привычными с детства движениями собирают лесные лакомства. Коплю полную горсть, чтобы почувствовать всю полноту вкуса сочных ягод. Пальцы уже красные, наверно и лицо испачкал, но удовлетворение пока не приходит. На самом деле так можно питаться все путешествие, было бы время собирать. Ведь съедобные растения здесь на каждом шагу, а генетическая коррекция, которую прошел еще мой дед, позволяет обходиться минимумом. У меня же хватило ума решиться на процедуру совершенствования еще в двенадцать лет. Очень уж впечатлился тогда рассказами о тяжелой участи наших недавних предков, которым приходилось готовить и есть в невероятных объемах. Правда и сейчас чудачков хватает. Тем не менее, в моем рюкзаке лежат походные рационы, ради экономии времени, но и твердеющие пакеты на всякий случай взял. По-моему, глупо надеяться на милость природы, и рисковать остаться голодным в горах.

Дивные заросли остаются далеко позади, напоминая о себе сладостью во рту. День близился к завершению, безмолвно советуя подумать об отдыхе. Голода и усталости нет, поэтому решаю смело шагать до вечера. Сверяюсь с картой, прикидываю расстояние до одной из контрольных точек, их пока много. Везде можно уединиться, просто у меня своя философия невмешательства и отстраненности. В меру сво-

их сил стараюсь заботиться о природе. Предпочитаю пользоваться старыми кострищами и палаточными площадками, мелочь, но самому приятно.

Тропа петляет среди деревьев. Сквозь кроны проникают лучи заходящего солнца, ярко высвечивая светлые стволы. Приходится высоко поднимать ноги, ступая между могучими корнями сосен и кедров, выступающих из земли. При полном безветрии хор тысяч насекомых, заполняет мой слух, как лучшая вечерняя мелодия. Запах нагретой хвои смешивается со сладковатым ароматом смолы. Вскоре выхожу к широкой развилке. Путь расходится в противоположные стороны, предлагая совершить выбор. Ступаю на более хоженую тропу, через десять минут нахожу подходящее место ночлега. Посреди леса, рядом с одиноко стоящей скалой светится огнями костров очередной лагерь.

Скалолазы

Прохожу мимо палаток, высматривая свободное место. Людей не считаю, но замечаю, что народу здесь на порядок меньше, нежели в давешних яслях. На лицах людей уже нет растерянности, смятения и прочих последствий глубокого погружения, обвыклись уже. Стою, осматриваюсь. Заходящее светило рисует на скалах несколько вытянутых фигур альпинистов. Всюду закреплены тросы, один человек кричит прочим сверху, в движениях большинства заметна неловкость. С прошлого похода место не помню, может в другую сторону свернул. Однако догадываюсь, что попал на тренировочную базу скалолазов, причем высокого уровня. Вместе с окончанием дня мастера торопят подопечных спускаться. Большинство уже давно расселись вокруг четырех костров. Со ствола одинокого дерева на меня смотрит смешной человек с плаката. В облачке над его головой типичное объявление. Невольно улыбаюсь, читая о стоимости и необходимом времени.

Ко мне подходит веселая компания будущих альпинистов. Зовывают к вечернему застолью. С трудом разбираю слова только одного весельчака:

– Не стой как столб, расслабься, здесь все свои. Сегодня же выпуск, гуляем, а завтра в путь. Такое дело надо отметить, – он указывает в сторону ближайшего костра. – Оста-

вайся, не пожалеешь.

Сначала думаю уйти с предстоящего шумного праздника, ибо у меня четкий режим сна. Устал от подобного в бытность музыкантом. Понимаю, что уединенных мест и покоя здесь в принципе не предполагается. Решаю нарушить формальное правило и устроиться в лесу, но проскочившая хитрая мысль о халявной трапезе и уже горящем огне, подсказывает принять предложение этих счастливых людей.

– Ладно, останусь. Только палатку поставлю. Кстати, где можно? – говорю всем сразу и оборачиваюсь в указанном направлении.

Мой неугомонный ум, подстегнутый пси-закладкой на скорое достижение вершины, наконец успокаивается. Теперь можно с чистой совестью расслабиться, почти как в общественном транспорте, сел, и жди пока приедешь, а в нашем случае, когда рассветет. Одержимости у меня нет, и идти по восемнадцать часов в сутки, а тем более по темноте не стану. Правда раньше, по молодости, и не такое мог.

Сажусь у края собранных в подобие большой скатерти ковриков. Похоже, выпускники собрались перегрузить свои утробы и головы, да так, что хорошо бы им через сутки выйти. На мой взгляд необъявленный экзамен здравомыслия они уже завалили. Пир начинается спонтанно. Походные припаса и дары леса стремительно поглощаются. Не стесняясь, вношу свой посильный вклад в общее дело, совесть все-таки имею. Звучат одиночные поздравления, все говорят без

умолку, восторженными и громкими голосами. Мне в очередной раз предлагают стакан с сомнительным содержимым. Но после череды отказов попытки прекращаются. Мне дорога чистота разума с желудком, и крепость ног завтра утром. Отдаю предпочтение тарелочке с земляникой.

– Ты новенький? – обращается ко мне миниатюрная девушка с неожиданно хищными глазами на идеальном, мультяшном лице. – Этот выпуск не про меня, – продолжила она, не дожидаясь ответа. – Еще учиться и учиниться. Чего молчишь? Ну не хочешь говорить, не буду пытаться.

– Извини. Еду пережевывал. Не то чтобы новенький, скорее прохожий. Иду сам по себе, нигде не задерживаюсь, и от массовых мероприятий и обучения заранее отстраняюсь, мне оно без надобности.

– Странный ты, – она пожимает плечами. – По-моему, без хорошей учебы себя и путешественником полноценным нельзя считать, – девушка разворачивается ко мне, привстав на руках, как это делают маленькие дети. – Знаешь сколько штукам уже научилась? Целую неделю умных людей слушала. Еще альпинизмом овладею, а дальше даже не знаю, надо еще куда-нибудь пойти. Может подскажешь интересные места, и поучусь, и погуляю немного.

Прикрываю глаза, сохраняю спокойствие, нарушенное ее торопливой речью. Всем эмоциям предпочитаю улыбку, чтобы не огорчать глубоко погруженную, несмотря на внутреннее недоумение. Отвечаю ей:

– Вообще, большинство к главной вершине идут. Разве не слышала о такой? С таким затяжным усердием в науках рискуешь не попасть туда.

– Слышала, только не видела. Говорят, до нее очень далеко. А мне хочется просто путешествовать. Знаешь, буквально куда глаза глядят, – она мечтательно запрокинул голову, наивно рассмеявшись. – Здесь столько всего интересного рассказывают, даже не знаю, что мне больше хочется.

– Наверно всего и сразу, – отвечаю саркастическим тоном, оценив очередную причуду сжатого погружением сознания. – Досадно потом не будет? В смысле остаться недовольной всеми этими, как ты говоришь, интересными вещами. Кто знает, что там в действительности.

– Но ведь главное – получить удовольствие? Мы же ради него путешествуем? – личико моей собеседницы сменило выражение на трагическое.

– И да, и нет. Мне интересна вершина, а не абстрактные странствия в поисках новой учебы, ради хорошего времяпрепровождения. Уж не знаю, как ты себе это объясняешь. Думаю, в каждом лагере можно найти опытных людей, готовых обучать или водить по местным красотам, только что в итоге?

– Ты точно странный. Не представляю, как можно так халатно относиться к путешествию, если быть самому себе на уме. Тебе определенно следует поучиться чему-нибудь, эм... даже не знаю, что больше полезно. А вершина, – девушка

замялась. – это как-то не оригинально. Мне хочется чего-то другого. Вот еще недельку поучусь и может быть придумаю, а ты иди, рискуй.

– У меня четкий план. Лишнего не беру, ни в рюкзак, ни в голову. Даже попутчиков не ищу.

– Скажу по секрету, можно спокойно пройти весь парк без преодоления избыточных препятствий в виде гор, и даже на вершину главную подняться без снаряжения и лишнего риска, правда чуть дольше. Учеба ведь не обязательная часть наших странствий. Не понимаю для чего на ней залипать.

– Так не интересно, а скорее не честно. Мне нужны трудности, поэтому буду готовиться ко всему. И успею еще погулять.

– Мое дело посоветовать, а своим временем каждый сам волен распоряжаться.

Хищные глаза собеседницы стали иронично-расстроенными. Она потеряла интерес к странному путнику. Мало того, что ягодки молча уплетает, так еще против общепринятых правил, хоть и неписанных, идет. У меня не имелось привычки быть для всех положительным персонажем. Поэтому остаюсь вполне довольным при своем мнении, а переубедить погруженных также тяжело, как заставить меня задержаться хотя бы на одной из стоянок. Тем временем в мое мисочке показалось дно, а желудок довольно заурчал.

Лютня

Совсем стемнело. Собираюсь покинуть это веселое мероприятие по борьбе с припасами и чистотой разума, но рыжий парень, наделенный благородным профилем, извлекает настоящую лютню и начинает наигрывать один и тот же простой аккорд. Профессиональный интерес и страсть всей моей жизни к музыке и вокалу, пусть и отмененная нынче, заставляю повременить с отдыхом. Сочинитель из меня посредственный, зато талант исполнения кормил и радовал. Меня порядочно удивило это совпадение. Мой избранный инструмент, именно лютня, а не гитара, куда более популярная, встретился в лесной глуши, напоминая о прошлом.

Менестрель, сидящий в кругу слушателей, определенно имел проблемы с восприятием. Понимаю, что он использовал возможность пронести в парк любой личный предмет, у меня самого брелок на цепочке. Для меня-то важна практичность, вот и взял то, что поменьше. Мой опыт подсказывает, что рыжий парень забыл о непредсказуемости блокады памяти, и временно утратил дар, хоть и сохранил тягу к искусству. Мне было неловко за очередного собрата, и захотелось исправить ситуацию. Решаю немного потешить народ виртуозной игрой, исполнив что-либо подобающее нашему путешествию, тем самым отблагодарить за ужин, и с чистой совестью предаться отдыху.

Подсаживаюсь к музыканту, страдающему локальной амнезией, обращаюсь с просьбой:

– Приятно встретить ценителя благородных инструментов. У большинства гитары, а у тебя такая редкость, сам на подобной играю, играл, не важно, – поняв, что заговорился, сажусь рядом и решаю не спешить с просьбой. – Разминаешься или вспомнить мелодию не можешь?

Парень перестает мучать струны, и смотрит на меня с недоверием. Его лицо изображает обиду от бессилия, смешанную с желанием показать себя с лучшей стороны. Однако отвечает:

– Черт его знает, вроде бы играл, просто так, для себя, а сейчас не идет. То ли пальцы за неделю огрубели. То ли об скалу вчера приложился с последствиями. А ты, правда умеешь? – киваю на его вопрос, с видом безмятежного дзен-мастера. – И какой репертуар?

Вместо ответа, неуместного для ушей погруженного, протягиваю руку, жестом прося на деле доказать свое умение. Но, вижу не покидающее сомнение горе-менестреля, и говорю:

– Если когда-то научился, обязательно снова сможешь, не сегодня, так завтра или чуть позже. Инструмент, руки и голова есть, остальное припомнишь. А репертуар у меня самый разный, в основном современный фольклор, – на его задумчивый взгляд решаю бесхитростно дать обещание. – Народу нравится.

Мне удалось получить доверие менестреля вместе с лютней. На память сразу приходит одна песня, способная тонко намекнуть погруженным путешественникам о самом важном. Хорошо помню, как лидер нашей молодой группы, поэт и певец в одном лице, назвал ее «Не предавай себя». Он не страдал избыточным романтизмом и идеалистом не был. Произведение несло иную, обобщенную и высокую идею. На мой взгляд она окажется неожиданным сюрпризом для юного поколения, с которым меня связывает только внешняя молодость. Проверяю натяжение струн, тешу себя надеждой, что знакомые строки, вкупе с хорошей игрой и моим своеобразным голосом, вдохновят слушателей на достижение истинных целей, ради своего будущего.

Уже первые переборы струн привлекают всеобщее внимание. Голоса становятся тише, а с началом вступительного куплета воцаряется полная тишина. Похоже, способные музыканты редкость среди путников, истосковался народ по живому исполнению и песням так таковым. Между куплетами успеваю подумать, что хоть и расстался со своей лютней, а все равно приятно отвлечься и разнообразить походные будни чем-то прекрасным, но не надолго. Мое выступление приводит путешественников в полный восторг. Незамедлительно следуют просьбы сыграть еще и другие произведения, на самую важную сейчас тему. Однако у меня получается деликатно отказаться, вручив замечательный инструмент хозяину. Дай им волю, так до рассвета продержат, по

своему опыту знаю.

Голова неожиданно начинает гудеть. Сначала думаю это с непривычки, ибо давно не играл, но через мгновение различаю второй слой мыслей, на этот раз со своими не путаю, и образов перед глазами нет. В моей голове само собой думается, что недурно бы еще остаться и поиграть, разве можно людей лишать такого счастья. Молча сижу, терплю, жду пока отпустит, наивный. Бред продолжается. Уже реально хочу потянуться к этой прекрасной лютне, да еще так хорошо настроенной, приподнимаюсь. Прикусываю с силой губу. Все стихает. Наваливается усталость. Все-таки у меня режим, и привыкший к нему организм требует сна. Облегченно выдыхаю, сочтя, что легко отделался, или отстраненность помогла, кто его знает, а то до рассвета играл бы.

Тренер

Возвращаюсь к оставленным вещам, и довожу палатку до нормального состояния. Присаживаюсь перед входом, чтобы скинуть обувь и замечаю в стороне от костров затейливую конструкцию. Решаю посмотреть, дабы удовлетворить любопытство и мирно уснуть. На каменистой возвышенности устроен настоящий информационный центр. Несколько стендов, тускло подсвечиваются светом костров. Бегло читаю и посмеиваюсь над очередным предложением с двойным дном. Здесь действительно преподают настоящие мастера. Можно закрыть глаза на большие траты финансов и нескольких дней. Однако меня удивила система повышения мастерства, пройдя которую человек становился инструктором. Разумеется, ни о каком восхождении и речи не могло быть, ибо времени не оставалось. Зато последнюю неделю можно самому потренировать желающих, вернув хотя бы часть потраченных средств, смешно и немного обидно.

Со стороны костров подходит мужчина с обветренным лицом, и жилистыми руками. Заправский альпинист, облик которого говорит о колоссальном опыте. Верно оценив мой ироничный взгляд, во время чтения информации, он заговорил:

– Как видишь сейчас мест нет, все время в расписании занято. Что бы ты ни думал, но дело наше полезное, толь-

ко пользу мало кто извлекает. Одни боятся потом самостоятельно подниматься, другие здесь просто время хорошо проводят, хотя потом новичков тренируют, правда все на одной и той же скале. Ну, а самым смелым либо везет потом, либо нет, сам понимаешь, о чем речь.

Меня удивила его откровенность. Всегда интересно послушать самокритичного человека, поэтому спрашиваю:

– Хочешь сказать, бездарей много или проблема в чем-то другом? Может просто ума или духа не хватает, ради трезвой оценки своих возможностей и, как бы это сказать... ради готовности бросить вызов?

– Видал пару часов назад моих обезьянок на скале? – альпинист указал могучей рукой в темноту. – Многие из них просто выучили ее, а новых гор боятся, или не понимают, да и вообще, дольше учиться надо, но не получается. Хотя лучше так, чем остановиться у подножия той самой вершины.

Мы помолчали. Веселье продолжается, и до нас долетают возбужденные выкрики с веселым гомоном. Не хотел заострять внимание на своей личности, но почему-то сказал:

– А мне ни того, ни другого не надо. В смысле записываться к вам не хочу, и всю ночь кутить тоже, – киваю в направлении костров. – Недавно выяснил, что можно без очень много обойтись, даже себя сократить, если образно выражаться, в смысле свои желания и некоторые бесполезные дела.

– Это как-то слишком, – мой собеседник переходит в роль занудного учителя. – Так многое упустить можно. Спишь ты

наверно каждую ночь, а с компанией посидеть редко удается. Да не гримасничай. Знаю, что посиделки и люди разные бывают, и эти не самые худшие. В любом случае новый опыт, эмоции, впечатления или знакомства в конце концов, – жилистый человек сделал широкий жест, словно обнимая нечто большое. – С горами также. Новые возможности, пути. Сам понимаешь.

– Не стану спорить, но для себя на ближайший день уже все решил. И так уже задерживаюсь в яви дольше положенного, – и непроизвольно зевнул.

– Да, вижу-вижу, тебя ко сну клонит. Ладно, не стану задерживать, сам на покой собирался. Приятных сновидений, – он кивнул головой, и мы разошлись в разные стороны.

Выпускники-неудачники

Пробуждение было таким внезапным, словно с кровати сбросили. Усталость прошла, несмотря на пройденные вчера километры, но спина дает о себе знать. Солнце еще скрывалось за горизонтом, светлеющим с каждой минутой. В столь ранний час лагерь глубоко спал. Роса обильно покрывала травы и листья, а воздух оказался сырым и прохладным. Слышались голоса еще не уснувших ночных птиц, вместе с неотъемлемым для лагеря храпом и посвистыванием. Это несколько нарушало безмятежную картину, и радость собственного уединения. Прохожусь вдоль опушки леса, вспоминая с детства знакомый запах влажной коры и мха. Чудное состояние природы, несмотря на комаров и быстро намокающую обувь. После разминки ног, ко мне приходит бодрость, даже спину отпускает. Времени на созерцание рассвета не было, требуется собираться и выступать. На обратном пути от ручья, после утренних процедур, замечаю в лагере нового человека. Думается, что мог вчера упустить его из внимания.

Сухощавый мужчина неопределённого возраста сидит, скрестив ноги, на плоском камне и занимается довольно интересными упражнениями. Первая мысль подсказывает, что он йог, ибо мои познания в восточных практиках довольно скромны. Над козырьком его палатки висит полотно с оче-

редным объявлением. Заинтересовавшись, приближаюсь и читаю несколько фраз про персональный тренинг, быстрый и доступный по цене. Гляжу на самозабвенную тренировку йога, убеждаюсь, что он правда может научить устойчивости к холоду, быстрому расслаблению и другим обещанным премудростям. Припоминаю давешний разговор с альпинистом, и сразу думаю, что передо мной очередной «кот в мешке». Повторить, не значить достичь нужного результата. Собираюсь уйти, привычно отстранившись, и слышу чуждую мысль, тихонько одобряющую мое решение. Недолго думая, решаю пойти против системы, к тому же ритмы дыхания силы и выносливости меня правда заинтересовали.

– Доброе утро, можно ли мне получить персональный урок? Пятый, шестой, и, пожалуй, еще седьмой пункты интересуют. Как раз то, что нужно. Думаю, это не займет много времени, и у меня хватит таланта.

Человек передвинулся на край своего коврика, уступая мне место, коротко сказав:

– Нос у тебя есть, осилишь. А времени это займет всю жизнь, – йог добродушно улыбнулся. – Если не забросишь через пять минут, оценишь, а потом только удивляться будешь, как прежде существовал.

Молча наблюдаю за мастером, дышу, не дышу, замираю, расслабляюсь, считаю секунды. Остаюсь довольным и немного замученным. Наконец говорю:

– Так просто, – мое удивление вполне искренно. – Думал

подобные вещи только для избранных. А оно вон как хорошо получается.

– Будь внимателен, и не пренебрегай счетом поначалу. Все, меня ждет дорога, да и ты, как вижу, в путь собрался, с утра пораньше.

– Да, с юности режим такой выбрал, – отвечаю ему, и смущаюсь, упомянув жизнь, находящуюся за пределами внятного восприятия времени, но обошлось. – По-моему глупо бдеть до полуночи, чтобы потерять бесценные утренние часы, и разбить весь день.

– А ты не так прост, – улыбается йог. – В биоритмах разбираешься. Только не думай, что совершенства достиг, не паханное поле, считай, но и бурьяна уже мало.

Это был самый короткий урок в моей жизни и, надеюсь, полезный. Потратив всего тридцать монет, познал три довольно простые системы вдохов и выдохов. После практики сразу же прояснилась голова и буквально проветрились легкие. Стою на месте, еще раз повторяю упражнения, и непроизвольно думаю, что дорога покажет, стоило оно того или нет, хотя первый результат впечатляет. О деньгах не жалею, ибо редко такое предложение встретишь. Прощаюсь с собирающимся мастером, и двигаюсь паковать свое снаряжение. Однако торможу посреди центрального прохода, заметив любопытное зрелище.

Вчерашние выпускники видимо еще не ложились, и прогуляв ночь неведомо где, вернулись в лагерь. Сейчас эти

удальцы показывали полную потерю своего и так сокращенного сознания. Два парня, еще не обретшие контроль над равновесием, после ночных посиделок, поднимаются одиночную скалу. Поправ наставления мастеров о безопасности, без страховки и снаряжения в целом, сорвиголовы рвутся вверх. Мне показалось неуместным окликать их, помочь или вмешаться, все равно толку не будет, только зря шум подниму. Парни оказались равными по силе, но не по везению. Еще непослушная рука одного из них дрогнула, и над лагерем разлетается отчаянный вопль.

Падение с высоты четырехэтажного дома было бы смертельно, но наша туристическая компания позаботилась о здоровье неловких людей и дураков. Срабатывает интеллектуальная система защиты, распознав угрозу жизни. Тело горе-скалолаза окутывает мерцающее поле, а падение останавливается в нескольких сантиметрах над землей. Однако, правила парка суровы. Ошибки здесь не прощаются, особенно смертельные. Замечаю у себя ощущение грусти, от мысли что чье-то путешествие оборвалось, хоть можно и повторить. К сожалению, поучительную сцену никто не наблюдал. А для меня это полезный урок, напоминание о личной уязвимости. Усмехаюсь собственным умозаключениям. Ведь условно пострадавший в следующий раз вряд ли исправится, такова людская натура, помноженная на стирание былой памяти при каждой новой попытке.

Под причитания уцелевшего товарища, сверху спускается

тихо гудящий силовой луч. Следящая система уносит парня за горизонт, в сторону ближайшей точки входа, в таком же спящем состоянии, в котором нас доставляют в парк.

– Человеческая бестолковость не знает границ, – произносит знакомый голос моего тренера. Он уже собрал вещи и теперь стоит, затягивая пояс рюкзака.

– Ну да, – машинально отвечаю ему. – По-моему, абсурдно обрывать путешествие, толком его не начав. С другой стороны, сорваться у порога главной цели еще обиднее.

– Эмоции правили им, – говорит йог. – Сиюминутное желание доказать свое превосходство, поставило ложное самоуважение выше любых целей, о чем бы ты не говорил. Смотри, сам не оплошай. Доброго пути и ровного дыхания.

Мой наставник уходит, а мне остается только перекусить и дальше следовать по лесным тропам. Спустя четверть часа тело разогревается от ходьбы, а опыты с новым способом дыхания позволяют прибавить ходу, несмотря на приличный подъем тропы. На густо поросшем соснами склоне, с востока пробиваются солнечные лучи, и тянутся через хвою к самой земле. Игра света и тени придает лесу оттенок волшебства, особенно вместе с маревом, зависшим над могучими кронами. Мысленно подмечаю, что создатели парка на славу постарались, и, скорее всего, воплощали свои детские фантазии, ибо преувеличили рост трав и деревьев раза в три точно, и над выразительностью поработали. Вспоминаю кадры из более далеких мест, и понимаю, что это еще цветочки, в

смысле мелочи, но кедровые орехи величиной с большой палец это здорово.

За очередным поворотом выхожу на большой перекресток. Все пути ведут в одном направлении, но мой опыт подсказывает, что уже через сотню шагов тропы разойдутся, повинаясь изменчивому рельефу. Карта не радует меня особыми подробностями. На ней значился только один путь прямо. Остается надеяться, что средняя тропинка будет верным выбором. Растерявшийся ум успокаивается, когда нахожу простой ориентир. Достаточно все время не сворачивать со склона. На ходу прячу бесценную карту, прикидывая, какое расстояние можно пройти за пять часов, ведь идя сам по себе, обычно привалов не устраиваю.

– Какая самонадеянность, – громко прозвучала в голове неприятная мысль, сопровождаясь тягостным чувством. – Вот отмахую сейчас с десятков километров и назад по петле вернусь. Еще не поздно другую тропу выбрать. Врут поди, когда говорят о правильности первого выбора.

– Уймись, – говорю вслух, шлепнув ладонью по лбу, а про себя думаю. – Может это и моя мысль, но суетиться и отступать, точно не мой стиль.

Жертвы неуверенности

Долгое время мой путь проходил в одиночестве, что необычно для начала путешествия, но естественно для раннего времени. Оно и не удивительно. По моим наблюдениям люди отлично сохраняют городские привычки долгого сна в любых условиях, в отличие от более полезных для похода умений. Таков причудливый выверт сознания, стремящегося к бездействию, если ежедневно не подстегивать его новыми задачами и целями. Но и мой разум продолжает свою увлекательную игру. Волнуюсь из-за выбранного поворота, бессовестно расходуя душевные и физические силы. Мне думается, что другая тропа окажется проще, короче или принесет какую-либо приятную неожиданность. А идя здесь, все это будет упущено.

Параллельно зудит мысль оправдания:

– Радуйся малому, неизвестно что ждет тебя на иных дорогах, заведут они в болото и будешь выбираться, если не утопнешь.

Концентрируюсь на своем дыхании, и мне почти удастся развеять этот переполох в голове. Нет сомнений, что снова попал под влияние следящей системы, к счастью, обойдясь без визуальных образов. Мысленно проклиная ее назойливость, пошел называется в самостоятельное путешествие. Когда все стихает, удивляюсь всеобщему неведению

об источнике таких наваждений, вряд ли меня одного такие галлюцинации посещают. Но тут же мысленно извиняюсь перед глубоко погруженными, ибо сам в прошлый раз принимал все за чистую монету. Так задумался, что слегка подворачиваю ногу на камнях, и сбавив ход, присматриваюсь к дороге.

Слева, ниже по пологому склону, то и дело мелькает другая тропа, по которой движется пара путешественников. Вполне заурядный типаж. Не герои горных дорог, но и не рафинированные горожане. Улавливаю в их движениях некую растерянность или нервозность. По себе знаю, как неестественно начинаешь вести себя, когда план похода сбивается, безжалостно нагружая голову мрачными прогнозами, а ноги неосторожной ходьбой. Мне не хочется выдавать свое присутствие. Явной беды у них не случилось, поэтому молча продолжаю движение, допуская вероятность скорой встречи.

Вскоре наши пути действительно пересекаются. После приветствия выясняю, что передо мной супружеская пара среднего возраста. Женщина, представившая Людмилой, обращается ко мне с вопросом:

– Мы с Васей попали в неловкую ситуацию, вы не могли бы нам помочь?

– Нет. Могу, – мне почему-то захотелось состричь, оперируя принципами логики, что иногда сбивает толку собеседника. – И можно на «ты», даже нужно. Что за старые причуды прошлого века, – договорив, понимаю оплошность, ведь

для погруженных нет никаких веков и истории.

Людмила шепотом извиняется. Она теребит лямки рюкзака, чуть губы не кусает, и уняв волнение, торопливо начинает говорить:

– Мы недавно договорились с молодым человеком, который предложил пойти с ним к вершине самой короткой дорогой. Вы не представляете, с какой радостью мы согласились, потому что совершенно не представляем как туда попасть. Путь продолжался четыре дня, пока не кончилась еда, а вчера он куда-то исчез, и теперь совершенно не понятно, где мы и что дальше делать, – она заканчивает на высокой и трагической ноте, начисто пропустив мои слова мимо ушей.

Молчаливый супруг, с выражением праведного гнева и негодования на лице добавляет:

– Этот проходимец взял все наши монеты и даже газовую горелку унес, просто мне тяжело нести было, – мужчина обиженно кривится, понимая свою оплошность. – Думаю, он и не собирался нас никуда вести, а мог бы еще больше ограбить, если не убить. Иду теперь и думаю, что бы случилось будь у меня крепкий сон, а сегодня вовсе на каждый шорох оглядываюсь.

– Надеюсь, ты не из таких, и мы можем тебе доверять? – вступает в разговор супруга. – Сами по себе только заблудились и кругами ходим. Уже решили, что так и останемся в тех холмах, пока нас волки не съедят, или медведи. Ой, – ее голос предательски дрогнул, отдавая слезливыми интонаци-

ями.

– Четыре дня, обалдеть, это еще умудриться надо, – невольно вырывается у меня. – Прошу прощения.

– Не смейся. У него на лбу не написано было, – пытается оправдаться Вася. – Думал, так лучше будет.

Мне не очень хотелось с кем-либо связываться, тем более вступать в деловые отношения. Такова уж мое философия невмешательства, не только леса касается. Эта парочка будет только тормозить движение. Однако между умом и разумом просыпается совесть, или вовсе чужая воля, а язык повинуется этому порыву альтруизма:

– Вы просто можете пойти за мной, оплаты не нужно. Дорогу знаю и опыта хватает. Постарайтесь приноровиться к моему шагу. Так мы сможем добраться до ближайшего лагеря, а дальше сами решайте.

Людмила с недоумением во взгляде и сомнением сказала:

– Может нам все-таки заплатить? Монеты на самом деле еще остались, но совсем мало.

– Считай это компенсацией от судьбы. Все, идем, и не отставать, – промолвив это, обнаруживаю возникшее чувство удовлетворения от банального доброго дела. Немного смущаюсь, подумав, что только самолюбования мне не хватало.

Непутевые супруги, вопреки моим опасениям, шествуют позади, глубоко дыша и побряхтывая, но темп держат хорошо. Все-таки ход приходится сбавить, на тропе выступают толстые корни сосен и елей, и разбросано множество ши-

шек, которые приходится отбрасывать. До конца дня нам предстоит идти по холмам, местами поросших хвойным лесом. Частая смена высоты, плавные повороты тропинки, неожиданные овраги, выступающие из земли камни и редкие ручьи, не дают мне затосковать, а скорее наоборот. Они превращают обычную ходьбу в увлекательное приключение. Любопытство бежит впереди меня, зовя скорее узнать, что скрыто за поворотом, или какой вид откроется с обрыва, одновременно вступая в борьбу с отстраненностью, но меня это не напрягает, ибо двуличен отчасти. На ходу подмечаю разлапистые папоротники, хвощи и густой мох на валунах. В воображении простой лес превращается в зачарованный из прочитанных в детстве книг.

– Прошу прощения, – сказала за моей спиной Людмила. – Хочется чуть-чуть помедленнее. А то эта кошмарная дорога, с корнями, совсем лишила меня сил. Что если поутру встать не смогу, или суставы заноют. Тогда без врачебной помощи не обойтись.

– Разве что самую малость сбавим, – коротко отвечаю ей. – Желательно до заката дойти.

– А если не успеем? – заволновался Вася. – Волки-то здесь определенно есть. Ты их уже видел? Мы таких звуков наслушались прошлой ночью, что теперь понимаем, отчего народ вместе держится, а еще парк назвали.

Супруга не дала мне ответить, быстро перехватив инициативу:

– Да бес с этими волками. Меня больше волнуют люди на стоянках. Может, здесь на каждом шагу аферисты, а у меня с собой вещи очень ценные. Ограбят и замерзай потом ночью.

– Слушай парень, – сказал Василий, перебивая жену. – Может мы свой лагерь сделаем, или лучше на дереве. Тогда точно никто не достанет. У тебя веревки есть?

– Медведи достанут, они по стволам лазить умеют, – язвительно заметила Людмила. – А может ты еще и с хищниками справляться умеешь, если ходишь так хорошо? – этот вопрос уже был адресован мне.

Моя попытка откашляться и прочистить горло, заставляет их притихнуть. Пора было заканчивать пустые волнения:

– Давайте для начала успокоимся. Вы, наверное, привыкли иметь умного и способного начальника, который скажет, что делать и спасет при необходимости. Но со мной этот номер не прокатит. В таком-то возрасте пора независимости достичь, – пришлось обернуться и приложить палец к губам, пресекая новые реплики. – Меня удивляет как легко вы доверяете свои судьбы незнакомым людям. Порядочных хватает, но у всех свои пути, цели и манера движения, поэтому даже надежный попугачик может прийти не по вкусу своими особенностями.

– Да, понимаю-понимаю, развели нас, – говорит Вася. – Сам не пойму, будто на ухо шепнул кто-то, вроде в здравом уме. Помутнение рассудка, перегрелся поди.

– Здесь и не такое бывает. Меня тоже пару раз накрыло, –

отвечаю Василию. – Не всякая мысль в голове своя. Никакой мистики, но это отдельная тема.

– И что же делать? – огорченно спрашивает Людмила.

– Уже говорил. Больше самостоятельности, меньше страха и жалоб, и отличайте свои мысли от..., от чужих. Вас уже двое, а надежнее кровного родства пока в природе ничего не придумали. Так положитесь друг на друга. Не могу, как дети малые, – договорил и одергиваю себя за неуместную критику погруженных.

– Но ведь здесь правда столько проблем оказалось. Как же смолчать, когда у меня спина мокрая, комары грызут, ноги натерты...

– Стоп-стоп. Мы все в одних условиях. Разумнее молча терпеть, отвлекаться и находить нечто хорошее. На мой взгляд, этот лес не так уж плох, присмотришь. Волки в столь людных местах не охотятся, а кому суждено, того и белочка бешенная загрызет, – на мою последнюю фразу Вася приснул сдержанным смешком, но затихает, заметив трагическое лицо своей спутницы. – Кстати, бесконечный поток претензий, и нескончаемые волнения о не случившемся, и депрессивное настроение, воруют ваши силы похлеще всяких проходимцев.

Целый час тишину леса нарушали только голоса птиц. Моя отповедь пошла впрок. Супруги вряд ли смогли усладить взор живописными окрестностями, зато усердно пыхтят позади меня и не отстают. Рельеф начал меняться. Вме-

сто холмов мы движемся вдоль высохшего ручья, между двумя длинными склонами. Впереди виднеется пара незначительных перевалов. К счастью, у меня еще оставался запас воды, а пополнить его можно на краю гор. Судя по карте, через полтора десятка километров мы должны выйти на равнину, к маленькому озеру. Своей ценной бумагой мне светить не хотелось, поэтому промолчал о предстоящем расстоянии, и о лагере, стоящем на границе гор и равнины.

Меня радует темень хвойного леса, надежно скрывающая нас от жаркого солнца. Здесь, в узком лого, деревья растут на удивление густо, так щедро осыпая землю своими иголками, что редкая травинка пробивается через пепельно-желтый ковер. Тем временем светило достигло зенита. Василий с Людмилой не нашли в себе сил радоваться привалу на обед, но их лица расслабились, а в глазах появляется довольство совершенным подвигом. Догадываюсь, что вряд ли сбежавший проходимец гнал их с такой скоростью. Мне, как всегда, лень разводить огонь, совершенно не нужный для стандартного рациона сублимированных проростков. Но у супружеской пары имеется свое представление об отдыхе. Мы вполне укладываемся в неписанный график движения, поэтому позволяю им расслабиться.

Курьер

Моя трапеза закончилась через четверть часа. Пока Василий еще возился с костром, а Людмила копалась в добром десятке разномастных коробочек, решаю пройтись налегке. Иду по спирали вокруг нашей стоянки, в надежде найти грибы или ягоды. Они уже встречались по пути, но собирать было некогда. Через несколько минут неудачного поиска, вновь выхожу на тропу, весьма извилистую в этом месте. Навстречу мне движется крупный человек с редким модульным рюкзаком героических размеров и пропорционально замученным внешним видом. До меня не сразу доходит, что парень шагает в обратном направлении. Внутренний голос моментально предполагает, что это очередная жертва местных проходимцев.

– Приятель. Здорово, наконец хоть кто-то нормальный, – сказал уставший путник, переводя дыхание, сбившееся от быстрой ходьбы или даже бега.

– И ты будь здоров. А кого здесь ненормальными принято называть? Должно быть, насолили тебе изрядно, если в обратную сторону повернул, – меня серьезно обеспокоили неожиданные проблемы, далеко не природного характера.

– Здесь недалеко есть расщелина, которую заботливо перекрыли Синие, а там единственная дорога проходит, чтобы крюки не закладывать. Ты еще с ними поди не встречал-

ся, – в меру упитанный парень садится на поваленное дерево, и продолжает. – Это какой-то клан или братство, не знаю. Бандиты, если по чесноку говорить. Без монеток или вербовки дальше не пускают, – он неожиданно умолкает, подтягивая фиксаторы и безуспешно щелкает каким-то переключателем.

– Глупость какая, заняться народу нечем. Ладно деньги, но на службу идти это полный бред.

– Сумма приличная, и мне бы хватило. Но вчера почти все спустил, – он с досадой машет рукой. – Эх, чего теперь вспоминать.

– А может быть их можно обойти ближе? Видимо мне туда же надо, – говорю, а сам ловлю себя на сомнении, заранее опасаясь связываться с незнакомым человеком, но сразу списываю эти идеи на посылы следящей системы, и решаю сыграть в благородство. – И кстати, тебя как звать?

Вернувшись к оставленным спутникам, по пути выяснил много любопытных вещей от Ивана. Он сразу попросил называть его как угодно, только не полным именем. Не стал выяснять, по мне так нормальное имя. А вот внешний вид заставлял сдерживать улыбку. Широленные майка и балахон, контрастируют с узкими штанами, чуть ли не трико. Меня вымокшую от пота одежду, Ванек явил нашим взглядам фигуру, словно бы лишенную костей. Он казался цельным или литым, напоминая мягкую детскую игрушку. Картину дополняло невинное лицо, на выбритой голове, плавно пе-

реходящей в плечи. Тем не менее в Ване мне была очевидна его сила и внутренняя уверенность, скрывает парень свою натуру за маской грубоватого дельца.

После рассказа Вани мне стало ясно, сколь сильные изменения произошли в парке за последний год. Большую часть местности поделили два сообщества: Синие и Красные, не имеющие никаких связей с любимыми прототипами. Считается, что они следят за порядком и помогают путникам. Польза вроде была, хотя бы для вида, зато поборы чинятся исправно. Недовольных отправляют восвояси, а к самым рьяным стяжателям независимости применяют дубинки, тяжелые посохи и другие увесистые аргументы, вызывающие включение защитной системы. В результате недовольный порядком улетает к выходу, как любой подвергшийся смертельной опасности. Ведь штрафы и отчеты следящей системы погруженным неведомы. Но это уже моя интерпретация, для погруженных полет на силовом луче смерти подобен.

Молчаливый Василий, внимательно выслушал рассказ о суровых реалиях, сделал задумчивое лицо, и подперев голову рукой начинает говорить:

– Сразу видна налаженная схема вербовки и откровенное паразитирование на слабых. Сомневаюсь, что у новобранцев остается возможность свободно путешествовать, тем более к вершине. Так наверно и сидят на одном месте, народ страшат.

– Мы долго трепались, – говорит Ваня. – Они до вершины

группы доводят, за отдельную плату, но сами, понятное дело, дальше не идут.

– Странные. И зачем в парк явились, – случайно вырывается у меня, но заметив, что Василий недоговорил, даю ему слово.

– Вкус власти многих с ума сводит, даже если она незаконная. И никто слова поперек не говорит, беспредел. Хотя чему тут удивляться. Если зло не останавливать, из слабых сразу вся чернуха наружу лезет. А когда, на почве дурного воспитания и ложных ценностей люди не понимают, что в управлении важна ответственность и искренняя забота, получают такие недоразумения.

– Ну ты выдал, – удивляется Ваня. – У тебя точно с воспитанием и ценностями порядок.

– Да-да, мой Васечка и не такое иногда говорит, – улыbnувшаяся Людмила гладит супруга по седеющей голове.

Мне не хочется болтать в пустую и терять время, поэтому перехожу к практике:

– Досадно, конечно, но их варианты нам не подходят. Независимость также нужна, как и монеты. Думаю, вы отлично знаете, ради чего сюда пришли, поэтому пойдем в обход, уже Ване предлагал. Здесь отвесных скал нету, а любой косогор можно преодолеть, уж поверьте опыту. Всех вытяну, – договорив, расцениваю всеобщее молчание знаком согласия.

Отхожу за деревья, попросив заканчивать отдых. Заду-

мавшись, гляжу на карту. Впереди располагается горный хребет, с запада упирающийся в реку, которую вброд не преодолеть. В восточном же направлении преграда встречается с иным горным массивом, играющим роль границы парковой зоны. На первый взгляд не обойти, хотя в дневном переходе есть лазейка, и не одна, но время жалко. На самом деле в моих словах лишь доля правды. Не на всякую кручь можно подняться, тайные же подгорные походы бывают только в фильмах. А если таковые и существуют в реальности, то недоступны простым людям. Зато одна седловина, видимая сейчас между деревьями, и отмеченная резким изгибом горизонталей, вселяет надежду.

– Все не так плохо, прорвемся, – мои слова вызывают милые улыбки у спутников, уже затянувших пояса рюкзаков. – До заката еще полно времени. Переберемся и снова на маршрут. Кто не согласен, может идти назад или поступать на бессрочную службу.

– Веди, чего уж там говорить, – соглашается за всех Вася. – Лучшего плана все равно нет. И вообще, хватит уже с меня всяких прохиндеев.

Мне пришлось встать позади всех, пока подъем был положим, ради страховки и ускорения двух наших тихоходов. Отлично знаю, что сильный ходок за спиной придает спокойствие, и не позволяет отставать. Самостоятельно перемахнул бы гору в разы быстрее. Только совесть потом будет напоминать о брошенных попутчиках, портя настроение. Поэтому,

смирившись со всем, молчу и упорно поднимаюсь, отыскивая подошвой ботинок надежную опору. Место нашего восхождения оказалось на диво удобным, и напоминает грубую складку в крутых скалах, позволяющую карабкаться без веревок. Однако хлебаем горечи мы сполна. То и дело приходится продираться сквозь колючий кустарник, огибать каменные выступы и перешагивать поваленные стволы деревьев, чудом зацепившиеся на склоне.

Через каждый шаг поглядываю на прямоугольную ношу нашего тяжеловоза Ивана, хотя вернее говорить Вани или Ивашки. В любой миг готовлюсь ловить его, надеясь сбереечь лицо не только от веток, но и от металлического ранца, объемом равным мне самому. Супружеская пара держится на одной злости ко всему на свете. Брани в мой адрес не слышно, скорее всего, из-за натуги. Спустя вечность природа сжаливается над нами. Ближе к вершине удастся подняться с четверенок и перестать цепляться руками и зубами за каждую травинку. Только теперь до меня доходит, что весь путь сосредоточенно следил за дыханием. Прочие же пыхтели как паровозы, и теперь на верхней площадке седловины просто валяются пластом, безмолвно объявив привал.

Падать наземь показалось мне ниже своего достоинства, да и не утомился. Забираюсь чуть выше по изогнутому хребту, желая осмотреть окрестности. Цепи гор у горизонта, под ногами расстилается равнинный лес, переходящий в холмы, изрезанный ручьями и украшенный частыми полянами. Гла-

за разбегались от такого разнообразия. Справа выступают скалы причудливой, покато́й формы. Глянув на карту, читаю лирическое название «Хризолитовые ванны». Вспоминаю фантастические фотографии с каскадами водопадов и многоярусными запрудами из камня зеленого цвета. Улыбаюсь шальной мысли. Пройди мы по хребту пару километров, хотя можно и вниз спуститься, и можно выйти на тропу, ведущую к этому чуду парка. Но там не свернешь, и маршрут опять удлинится на полтора дня, и вообще, не за развлечением сюда явился.

Пока Василий с Людмилой лежат в изнеможении, Ваня обращается ко мне:

– Кажись зря мы это затеяли. Если Синие проход стерегут, значит и ближайший лагерь заняли, и по тропам ходят. Не шариться же нам теперь по кустам с утра до вечера. Дело дрянное.

– Думаю у них нет системы пропусков или бирок, и грамоты на туалетной бумаге тоже не рисуют. Если идешь по территории, значит уже заплатил. А чем дальше в лес, тем меньше народу, и синего в том числе, извиняюсь за вольную трактовку. Так что идем смело. Наглецам везет.

Ваня понурил голову, но спорить не стал. Глядя на мое намерение двигаться дальше, наш малый отряд зашевелился, правда с неохотой. Но перспектива остаться на горе одним, оказалась хорошим стимулом. Спуск, как часто это бывает, был равен подъему по напряженности, радуется только нали-

чие узкой полки посередине, где можно передохнуть. Кусты цепляются за одежду, скрытые травой ветви, поваленных деревьев, норовят поставить подножку, а каждый шаг по опавшим листьям может отправить в долгое скольжение. Не перестаю удивляться одержимому Ване, самоотверженно несущему свой огромный груз, и стараюсь не думать о его весе. Кто знает какие ценности он несет, если терпит все невзгоды на пределе возможного.

Когда мы спустились на долгожданную полку, мое любопытство берет верх, вынудив поинтересоваться у Ванька его холодильником за плечами:

– Слушай, что за чудо ты несешь, первый раз такую штуковину вживую вижу.

Ваня ухмыляется, еще раз щелкает переключателем на поясе, и со скрытой гордостью сказал:

– Модульный ранец с антигравом на каждом блоке. Он только с виду неподъемный, на деле вес почти нулевой должен быть. Но, как видишь, половина отключилась, так что твоя правда, от «холодоса» он сейчас мало отличается, сам его так назвал как увидел. Не спрашивай, как такой получить, все равно не скажу, – договорив, он решительно поднимается, демонстрируя готовность продолжить спуск.

Синяя ловушка

Спуск был также опасен, как путь вверх, но задом наперед, а тем более на четырех конечностях никто не пятился, наверно с меня, впереди идущего, пример брали. Наше сомнительное мероприятие все-таки завершилось, согласно традициям жанра, в зарослях крапивы и чертополоха. Последняя неприятность, вкупе с замученными ногами, вынудила меня вновь объявить привал. До вечера еще оставалось достаточно времени, чтобы достичь лагеря, если мы вообще решимся в него заглянуть. Рассудив таким образом, сам присаживаюсь отдохнуть в тени старой сосны, даже шляпу на лицо сдвигаю.

Однако задуманный мной план рассыпается на мелкие осколки под внезапным ударом судьбы. Треск ломающихся веток прерывает мою дрему, и заставляет участиться пульс. Сквозь редкую поросль багульника к нам пробираются четыре рослых человека с синими повязками на головах. Общей реакцией было оцепенение, только сидящий на земле Ванек обреченно роняет голову на колени, а у меня внутри поселяется жгучая досада, за упущенную возможность обойти опасное место, хотя еще надеюсь, что обойдется.

Немую сцену нарушает саркастический голос одного из гостей:

– Здравствуйте, люди добрые. А тебе, недотепа, второй

раз привет. Думаете, самые умные? Это наша территория, и мы здесь все места знаем. Молодцы, нечего сказать, десять метров без спросу прошли. Только теперь придется вам отвечать, как нарушителям. Поэтому пройдемте на стоянку для выяснения.

Ваня с грустью, в невинных глазах, смотрит на меня, безмолвно укоряя. Мне становится неловко, поэтому шепчу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.